Свет мой, зеркальце…

Автор:
Генри Олди

Свет мой, зеркальце…

Генри Лайон Олди

Борис Ямщик, писатель, работающий в жанре «литературы ужасов», однажды произносит: «Свет мой, зеркальце! Скажи…» – и зеркало отвечает ему. С этой минуты жизнь Ямщика делает крутой поворот. Отражение ведет себя самым неприятным образом, превращая жизнь оригинала в кошмар. Близкие Ямщика под угрозой, кое-кто успел серьезно пострадать, и надо срочно найти способ укротить пакостного двойника. Удастся ли Ямщику справиться с отражением, имеющим виды на своего хозяина – или сопротивление лишь ухудшит и без того скверное положение?

В новом романе Г. Л. Олди, как в зеркале, отражаются темные и светлые уголки человеческой души, и временами свет меняется местами с тьмой.

Генри Лайон Олди

Свет мой, зеркальце…

Зеркало на стене,

Покажи мне пьяную улыбку.

Я упакую чемоданы и упаду,

Упаду вниз, на следующую

прочерченную милю,

В страну дураков,

Где правит безумец.

Где ты?

Где ты, мой друг?

Джон Лорд, «Where Are You?»

Пролог

Щеку ожгло огнем. Нет, даже не огнем – бритвой, осколком стекла. Ямщик вздрогнул, сбился с шага, прикрыл лицо рукой. Проклятье! Он и не заметил, как небо наглухо затянуло пластами серого войлока. Тучи набухли влагой, первые капли уже сорвались вниз, насквозь пронизывая мир.

Дождь! Сейчас ливанет!

Он побежал – в который раз за сегодня. Бисерные росчерки капель-одиночек рассекали пространство слева, справа, впереди. Небесная пристрелка шла полным ходом. Ямщик мчался, как заяц от своры борзых, не разбирая дороги. Ноги вынесли его на родную улицу, с разгону он проскочил мимо своего подъезда. Куда, придурок?! Совсем ошалел от страха! Квартира Петра Ильича – в ней можно отсидеться…

Косой удар в спину едва не сбил его с ног, швырнул вперед, не позволив развернуться. Спотыкаясь, хватая ртом загустевший воздух – рыба, выброшенная на берег! – и хрипя от катастрофического недостатка кислорода, Ямщик побежал дальше. Бог знает по какой причине, но от капель одежда худо-бедно спасала. Потом останутся синяки, но это пустяк, главное, двигаться, продолжать бег, не упасть под градом тычков и толчков. Падение – смерть, конец, финиш. Трясущимися руками он натянул на голову капюшон куртки. Пока не хлынуло, пока кругом не растеклись предательские лужи, у него есть шанс.

Парикмахерский салон!

Небесный пулеметчик сменил ствол. Водяные пули замелькали чаще, косые следы пустотелыми вакуумными каналами соединили небо с землей. Воздух стал еще плотнее, хотя казалось, что плотнее некуда; дышать им было мучительно, в легких сперва начал тлеть, а там и вовсю разгорелся буйный костер. Каналы гасли с ленивой задержкой, за это время успевали возникнуть десятки новых. Еще удар, еще! – по плечам, по спине, по затылку; к счастью, вскользь. От болезненного пинка в правую голень Ямщик вскрикнул, захромал, стараясь не сбавлять темп. Спецназ, подумал он, не зная, льстит себе или насмехается. Я – спецназовец в бронежилете под обстрелом банды террористов. Нет, я спецназовец с ограниченными возможностями. Настоящий может хотя бы отстреливаться, а что могу я? Бежать, всего лишь бежать, вжимая голову в плечи и подволакивая ногу.

Стены домов рассекли стеклистые трещины. Мир подернулся рябью. Разверзлись хляби небесные, до армагеддона, сравнимого с дождем огненным, что обрушил Господь на Содом и Гоморру, оставались считаные секунды.

Взорвалась бордовая «Skoda Octavia», припаркованная между двумя аптеками-конкурентами. Следом рванул серебристый «Nissan Almera» – прямо на ходу, не дотянув самую малость до «зебры» перекрестка. Через переход, хохоча, ринулась горластая стайка младшеклассников, две школьницы сразу подорвались – впору было поверить, что они бегут по минному полю! – и расхристанными лохмотьями, обрывками, лоскутами недавних детей скатились вниз по ступеням, ведущим под землю, к станции метро.

Подворотня со входом в «Beauty» была уже рядом, когда впереди, у бордюра, растеклась, будь она проклята, первая лужа. По луже веером прошлась пулеметная очередь, и пространство взорвалось. Город завязывался морскими узлами, вздымался вихрями торнадо, рушился сам в себя, восставал и хаотично пучился раковой опухолью, распространяя во все стороны убийственные метастазы. А дождь играл с ними, как ребенок играет с жуком, отрывая бедняге лапки.

Воздух превратился в стеклянное крошево. Крик стал кляпом, застрял в глотке, и взрывная волна улицы, в приступе рвоты вывернувшейся наизнанку, отшвырнула Ямщика прочь, к спасительной подворотне. На карачках, с натужными всхлипами выдирая ладони из липкого желе, в которое превратился асфальт, Ямщик по-собачьи рванул ко входу в салон. Подворотня ходила ходуном – семь баллов по шкале Рихтера! Стены ожили и содрогались в

конвульсиях. Бледными молниями вспыхивали и гасли следы трассирующих брызг.

Ступеньки. Протяни руку…

Подворотню качнуло, и Ямщик едва не протянул ноги. Боком его с размаху приложило о стену, и та промялась сырой глиной, едва не поглотив беглеца. В последний миг, рыча от боли в крепко ушибленных, а может, сломанных ребрах, он успел вцепиться в край крыльца – и, срывая ногти, буквально выволок себя наружу из ненасытной стенной утробы. За спиной чавкало, хлюпало, охало. В хлам расшибая колени, Ямщик вскарабкался по ступенькам, дотянулся до ручки двери и ввалился в спасительный холл парикмахерской.

…Рай.

Часть первая

Кто на свете всех милее?

Глава первая

Лепестки, что недавно цвели,

теперь лишь бумага в твоей руке,

Твои глаза, что ночью были ясны,

мутнеют, едва ты встанешь.

Это было слишком хорошо,

чтобы остаться.

Грезы мерцают и увядают в зеркале.

Питер Хэммилл, «Последствия»

1

Зачем вы пишете про зомби?

– Сюда! – надрывалась Туся. – Ко мне!

Бензопила, решил Ямщик. Еще пять минут назад он колебался, но теперь решение было принято. IKRA Mogatec, компактная лапочка: три кило, одной рукой справляешься. Быстрый запуск в холодном состоянии, рез точный, аккуратный – прелесть, а не инструмент, куда там скрипкам Страдивари. Визг Туси дрелью ввинчивался Ямщику в уши, производя в мозгу разрушения, несовместимые с жизнью. Следовало что-то делать, причем быстро. Ну конечно же, бензопила. Заманить в подвал – зуб даю, в таком особняке имеется подвал, доверху забитый хламом, а Туся слаба на передок, она пойдет, побежит, если намекнуть на страсть, презревшую границы. И вот мы уже зажимаем немую от ужаса Тусю в угол, между охромевшим велосипедом и парой мешков белесой картошки – гнилой, давшей за зиму ростки; подхватываем верную IKRA, трехэтажная громада здания глушит звук… Нет, бензопила отпадает. Это орудие джентльмена, оно не терпит суеты. После бензопилы надо принять ванну с шапкой ароматической пены, сжечь окровавленную одежду, хорошенько, без спешки, прибраться в подвале, угостить лабрадоршу Герду филейной частью Туси, остальное поместить в чан с кислотой, а как это сделать, когда вокруг галдеж, шашлыки, тьма египетская, и дом вообще-то чужой, какая тут, к бесовой маме, ванна…

Нож. Хлебный нож с сизым, остро заточенным лезвием. От тела избавимся позже, когда пьяный в хлам народ разъедется прочь. Таксисты заблудятся в частном секторе, начнут трезвонить клиентам, выслушивать сбивчивые объяснения: вниз по спуску, направо у богатырской заставы мусорных баков, дальше по грунтовке, кусты сирени, теперь мимо бани, да, мимо бани, нет, мы не в бане, идите сами в баню, мы за следующим поворотом… Кто ее хватится, эту Тусю? Сирень, говорите? Вот в сирень и уложим.

– Сюда! Ну сюда же!

– Пойдем, что ли? – спросила Кабуча.

– Зачем?

– Зовет ведь.

– Ну и что?

– Нехорошо получается: зовут, а никто не идет.

Он не ответил. Он ненавидел эти вопросы жены: робкие, извиняющиеся, готовые в любой момент сползти в овечье блеяние: «Ну, как хочешь…» Если есть человек-невидимка или, скажем, человек-паук, то Кабуча была человек-желе. Желе во всех смыслах: первый, воспетый жадным до мяса Рубенсом смысл давно перестал интересовать Ямщика, когда речь заходила о жене, и временами он жалел, что не настолько безразличен ко второму смыслу, вернее, бессмысленности разговоров с этой женщиной. Податливость Кабучи, желание любой ценой избежать конфликта превратилось для Ямщика, любителя бесед с перчиком, в пытку. Скрывать раздражение с годами стало для него настоящей проблемой, задачей без решения. Не скрывать? Пинать ком ваты – то еще удовольствие.

Ямщик повернулся к жене:

– Что мы тут делаем?

– Отдыхаем, – объяснила Кабуча. – Правда же, хорошо?

– Кто эти люди?

– Мои одноклассники. Помнишь, я тебе говорила? Мы решили организовать встречу. Ты согласился пойти со мной. Когда будет встреча твоих одноклассников, я тоже приду…

– Без меня, – отрезал Ямщик. – И не говори со мной, как с альцгеймером. Я не геймер, и не альц, я все помню. Поняла?

– Я не говорю.

– Я все прекрасно помню. Ты меня достала, вот я и согласился.

– Я тебя не доставала.

– Достала. Достала. До-ста-ла.

– Ну, как хочешь…

Его трижды приглашали на встречу их класса. Дважды – на встречу однокурсников. Он уклончиво отвечал, что да, постарается, если не случится какого-нибудь форс-мажора. Форс-мажор никогда не случался, а Ямщик никогда не приходил. О чем говорить с призраками из прошлого? Чужие, чужие люди. О, ты совсем не изменилась, и ты, врёшь, не вру, ты красотка, а помнишь, помню, еще бы, ночами снится; ложь, вранье, стыд за себя, за них, желание прыгнуть в голубой вертолет, махнуть волшебнику – поехали! – и со скоростью ветра оказаться дома, в кабинете, раковине, башне из слоновой кости. Мерцание монитора, мир на ладони – уютный, твой собственный, тщательно выстроенный мир ссылок и сайтов, где ты сам выбираешь, кого обласкать небрежным вниманием, а кого отправить в черный список, в безмолвный ад, небытие.

Зачем, спросил себя Ямщик? Зачем я пошел с Кабучей? Своим отказывал, зато явился сюда, придурок. Что я хотел доказать? Кому?!

– Эй! – Туся добавила децибелов. Она до пояса высунулась из окна второго этажа, рискуя вывалиться. Грудь Туси тряслась и подпрыгивала. Грудь была вся в хозяйку: бойкая, энергичная, неотвязная. Грудь тоже рисковала вывалиться. – Вы что, оглохли? Идите ко мне!

– Хорошо, – сказала Кабуча. – Пусть зовет. А мы не пойдем.

Ямщик молчал.

– А мы с тобой не пойдем. Ты ведь не хочешь, да?

Ямщик молчал. От мангала к нему шагал Дылда, и Ямщик с ослепительной ясностью понимал, что влип. Дылда, муж гиперактивной Туси, весь вечер поглядывал на Ямщика с вожделением алкоголика, приметившего в буфете початую бутылку коньяка – и вот решился. Да, Дылда. Кто, если не Дылда? В начале гулянки, когда все с натужным дружелюбием по очереди представлялись Ямщику – единственному чужому в этой компании – он даже не пытался запомнить имена. Давняя привычка, а может, профессиональная деформация: представляясь в ответ, Ямщик в уме давал Кабучиным однокашникам прозвища, сортируя людей по запоминающимся, броским признакам. Имен он не запоминал, зато прозвища оставались с Ямщком надолго – табор цыган, они перекочевывали в рассказы, волоча за собой длинную, извозюканную в житейской грязи бахрому характеров.

Жену он тоже редко называл по имени. Неля? Нет, Кабуча. Ей нравилось, она находила в прозвище романтическую нотку. Год за годом, предвкушая вожделенный скандал, Ямщик ждал, что кто-нибудь расскажжет Кабуче – или при Кабуче – анекдот про пьяного мужа, глупую жену и красивое испанское имя. Время шло, мечта не сбывалась. Судьба восстала против Ямщика даже в мелочах, лишив возможности добиться от жены острой реакции хоть на что-нибудь.

– Я вас читал, – Дылда сразу взял быка за рога. – Я ваш поклонник.

– Спасибо на добром слове.

Когда Ямщика загоняли в угол, он всегда благодарил собеседника на добром слове, даже если ни одного доброго слова не прозвучало. Обычно этого хватало, но только не с Дылдой.

– Эту книгу, – Дылда пощелкал пальцами, пытаясь выудить забытое название из воздуха, крепко пропахшего шашлыком и перегаром, не выудил и закончил: – И эту тоже. И еще в сборниках.

Ямщик кивнул. Когда доброе слово не помогало, он прибегал к жестам. Пожать плечами, развести руками. Жесты создавали у таких, как Дылда, иллюзию заинтересованности. Жестом и добрым словом можно добиться большего, чем просто добрым словом. Аль Капоне говорил иначе, но кого сейчас интересует точность цитат? Мы берем реплику американского комика Ирвина Кори,

приписываем ее Аль Капоне и радуемся, как дети: ведь Аль Капоне куда страшнее комика!

– И знаете, что? – спросил Дылда.

– Нет, – Ямщик вздохнул. – Не знаю.

– Я вас перерос.

– Поздравляю.

Выше Ямщика на голову, Дылда стоял прямо, говорил ясно, держался трезво. Слишком прямо, слишком ясно, слишком трезво. Так ведут себя пьяные в стельку, за шаг до того, как упасть и заснуть. Дылда был стеклянным – ткни пальцем, и поклонник рассыплется осколками, разлетится алмазными брызгами. Светло-бежевый пиджак, надетый поверх черной футболки без надписей, украшало пятно жира на лацкане и еще одно пятно, от красного вина, чуть выше левого кармана. Завтра Дылда огорчится, но это будет завтра.

– Я вас перерос, – повторил Дылда, как показалось Ямщику, с угрозой. – Я вас в прошлом году перечитывал. Мне не страшно. Понимаете? Вы пугаете, а мне не страшно. Было страшно, а теперь нет. Когда этот…

Он снова пощелкал пальцами:

– Ну, этот, из цирка! На гастролях в Праге он встречает того, с тросточкой, и заманивает его в гостиницу… Вы помните?

– Да. Я помню.

Педофил, думал Ямщик, слушая сбивчивый, зубодробительно подробный, имеющий мало общего с сюжетом «Проекта «Вельзевул» – книги, название которой вылетело у Дылды из головы – рассказ про того и этого, и что этот сделал с тем, что скрывалось в тросточке, какая старушка ехала на черном коне вдвоем, и кто сидел впереди, и почему Дылду, отважного переростка, это больше не пугает. Тайный педофил, и Туся, дрянь, в курсе. У них сын семи, ладно, пускай десяти лет, и Дылда часто заходит в ванную, когда сын моется.

Нет, ничего лишнего, потереть спинку, помыть голову: смех, безобидные прикосновения. Туся в курсе, а сын с недавних пор беспокоится, когда отец заходит без стука, нервничает и сам не знает, почему, ведь раньше все было нормально, даже весело, и от этого нервничает еще больше. Однажды Дылда сорвется с нарезки, но не дома, только не дома, в другом месте, с другим ребенком, скажем, в парке на окраине города, поздним вечером, в безлюдном осеннем парке, заваленном листвой желтой и красной, и коротко стриженая девочка, похожая на мальчика, будет возвращаться из музыкальной школы, неся тяжелый футляр с виолончелью, и срыв сойдет Дылде с рук, создав иллюзию безнаказанности. Девочка будет молчать, сгорая от стыда, и Туся будет молчать, она боится мужа до одури, шумная гулящая Туся, на людях – мегафон с сиськами, зато дома безгласна: кисель, мебель, никто и звать никак, хуже Кабучи; или нет, Дылда сорвется, потому что Тусю найдут в кустах сирени с перерезанным горлом, и на допросе Дылда поймет, что убийство списывают на него, вот прямо сейчас списывают, в наглую, от нежелания возиться, муж – первый подозреваемый, а он ничерта не помнит, ну вообще ни черта, за исключением обрывков беседы со случайным литератором, мужем одноклассницы: «…на гастролях встречает этого, с тросточкой, и заманивает его в гостиницу…»

– Ваша жена зовет, – Ямщик тронул Дылду за руку. – Слышите?

Он терпеть не мог прикасаться к чужим людям, да и к знакомым тоже, но Дылда не оставил Ямщику выбора. Пьяные любят тактильный контакт, любят обниматься, тыкаться лбом в чье-то плечо, виснуть на приятеле, обжиматься с дамами. Алкоголь требует плотского, мясного, на уровне инстинктов.

– Зовет, – согласился Дылда. – По маленькой, а?

И протянул Ямщику пластиковый стаканчик с текилой. Выбора нет, вздохнул Ямщик. Выбора не существует, его придумали мы, писатели. Кто бы нас читал, если бы мы сразу объявили городу и миру, что выбора нет? Бог, и тот не рискнул объявить это прямым текстом.

– По маленькой. А потом сходим посмотрим, что нашла ваша жена.

– Труп, – серьезно сказал Дылда. – Труп под кроватью.

Текила попала не в то горло. Ямщик зашелся кашлем.

– Вот, – Дылда хлопнул его по спине. – Вот видите, вы испугались.

Он хлопал и хлопал, словно задался целью вышибить из Ямщика дух.

– Вы испугались, а я не боюсь. Вас не боюсь, трупов не боюсь. К слову, я патологоанатом. Зачем вы пишете про зомби?

– Не пишу, – прохрипел Ямщик. – Про зомби.

– Пишете, – Дылда был беспощаден. – Я знаю. Вы пишете, а я не боюсь. Я все перерос, все на свете. Мне даже жалко, что так случилось.

И мне, подумал Ямщик. Мне тоже жалко. Зря я пил текилу. И пиво зря, и эту, как ее… Он пощелкал пальцами. Нет, не вспоминалось. До стеклянного опьянения Дылды Ямщику было, как до Шпицбергена вброд, но свою норму он, пьющий редко и мало, выполнил два раза за смену. Он бы плюнул, махнул рукой и уехал домой, но Кабуча… Она сказала бы: «Ну, как хочешь…». Точно, сказала бы. Многоточие после «хочешь» – Ямщик не вынес бы этого многоточия. Он давился бы им всю дорогу. Не следовало столько пить. Не следовало ехать на эту встречу.

Никогда, сказал он себе. Никогда больше.

– Я патологоанатом, – повторил Дылда, что-то вспомнив. Уголок его рта задергался. – Я людей не режу. Людей? Нет. И не просите.

– Трупы не люди? – предположил Ямщик.

– Звери не люди. Я работаю в ветеринарном госпитале. Липовая, четырнадцать. Чихал я на ваших зомби, у меня своих навалом. Жалобы тоннами строчат: «За неделю пыток погибла собачка, самое дорогое и преданное существо…» Они строчат, жрут мозги начальству, начальство – мне, а я режу, разбираюсь…

2

Вся правда

– Здесь! – с надрывом воскликнула Туся.

– Что здесь? – не понял Дылда.

– Здесь я потеряла невинность!

– Когда?

В голосе Дылды лязгнуло подозрение, умноженное на ярость. Кажется, он заподозрил измену, а то и насилие. Вот только что Туся была невинна, а вот уже… Кто?! Кто посмел?! Обиды не снес я, булат зазвенел… Или загремел?

– Давно, – отмахнулась Туся. – Мы еще не были с тобой знакомы.

– Ты вышла за меня в восемнадцать лет.

– Ревнуешь, кися?

– Мы знакомы с третьего класса. Встречаемся с шестого. Начали…

– С восьмого. Господи, да ты же этот… – Туся пощелкала пальцами: семейное средство от склероза. – Как его… Ну, черный!

– Мавр, – подсказал Ямщик. – Отелло.

– Отелло! Спасибо, кися! – похоже, кисями у Туси были все, не только муж. – А я кто?

– Кармен? – предположил Ямщик. – Вы Кармен, и он вас зарежет.

Восторгу Туси не было предела:

– Из ревности?

– Разумеется.

– А почему зарежет? Вы уверены? Разве Отелло ее не душил, эту Кармен?!

– Нет, – уверенно сказал Ямщик. – Отелло не душил Кармен. Я знаю, я писатель. Если бы душил, мне бы сообщили. Так что насчет невинности?

– Да! – поддержал Дылда. – Насчет невинности что?!

– Смотри! – Туся широким жестом обвела спальню. Жест был ей к лицу, и Туся прекрасно это знала. – Помнишь?

Дылда посмотрел, и Ямщик тоже посмотрел. Бесцеремонная Туся собрала зрителей в спальне хозяев дома. Старомодный дедовский гарнитур: две кровати на гнутых ножках, два шкафа на гнутых ножках, туалетный столик с высоченным овальным зеркалом, пуфиком и парой тумбочек, естественно, тоже на гнутых ножках. Шпон из карельской березы с множеством черных глазков. Бронза ручек-висюлек. Зеркало старенькое, нуждается в замене: царапины, мутные пятна. Даже по застеленным кроватям видно, что панцирные сетки провисли чуть ли не до пола. Нет, если и спальня, то гостевая. Гарнитур по-хорошему надо отреставрировать, но дорого, или выбросить, но жалко, вот и поставили для случайных ночлежников.

– Сочувствую, – Ямщик кивнул Тусе. – Примите мои соболезнования.

– О чем ты, кися?

– Невинность. На таком ложе любви? – он кивнул на кровать. – Тут и Фредди Крюгер посочувствовал бы. Синяков не насажали?

– Уйму! Вся эта синяя! – Туся похлопала по этой, чтобы у Ямщика не воникло сомнений насчет. – Он у меня темпераментный! Додик, ты помнишь?

Дылда, оказавшийся Додиком, не помнил. Он защелкал пальцами, как злосчастная Кармен – кастаньетами, но память ушла в отказ.

– Ну кися же! Ну вспомни! Восьмой класс, спальня твоей бабушки. Она уехала в Кременчуг, к подруге…

– Спальня?

– Бабушка! Она уехала, а мы остались, и ты завалил меня на эту жуткую лежанку…

– Я тебя?

– Ну не я же тебя?! Ты завалил, а потом я села у зеркала. Я сидела вся, как есть, и плакала…

– А я? – заинтересовался Дылда.

– А ты лежал и курил.

Ямщику стало скучно. История Тусиного падения больше не развлекала его. Пройдя вперед, он сел на пуф, перед зеркалом. Пуф, сволочь, промялся так, что Ямщик едва не саданул коленкой себе в подбородок. В зеркале отразился человек в смешной позе. Лысею, подумал Ямщик. Обриться наголо? А лучше начать делать зарядку по утрам. От облысения не спасет, зато осанка, стройность, мышцы, наконец… Он знал, что ничего не начнет, ни по утрам, ни по вечерам. Но думать-то можно? Мечтать?

– Свет мой, зеркальце, – он наклонился вперед. В спине хрустнуло, кольнуло под лопаткой. Будто гвоздь вогнали: Ямщик даже испугался, но боль сразу прошла без следа. – Скажи, да всю правду доложи…

Смотреть на себя было неприятно. Когда понимаешь, каким тебя видят другие – это всегда неприятно. У Туси хоть есть, что вспомнить.

– Я ль на свете всех милее?

– Четыре миллиарда, – ответил Ямщик в зеркале, – триста семьдесят два миллиона восемьсот двадцать шесть тысяч двести пятьдесят шестой.

– Что? – не понял Ямщик на пуфе.

– Кто, – разъяснил Ямщик в зеркале. – Ты конкретно. Спрашивали, отвечаем. Насчет всех милее – ты в общем списке человечества по этому признаку занимаешь четыре миллиарда триста семьдесят два миллиона… Записать?

На зеркале возникла дорожка цифр: 4 372 826 256. Цифры складывались из трещинок. Сперва они наложились на лицо Ямщика, прямо на лоб, словно татуировка или клеймо, но вскоре опустились ниже, на уровень живота. Ямщик обернулся. Дылда с Тусей молча следили за ним. И Кабуча следила, куда ж без Кабучи?

– Что? – эхом спросил Дылда.

– Четыре миллиарда, – сообщил ему Ямщик, который на пуфе. – Триста семьдесят два миллиона восемьсот двадцать шесть тысяч. Двести пятьдесят седьмой.

– Шестой, – поправил Ямщик в зеркале. – Нет, уже восьмой, извиняюсь. Одна успешная пластическая операция, один поход в спортзал. Операция в Тель-Авиве, спортзал в Чикаго. Чувак, тебя задвигают в конец! Хочешь стать пятимиллиардным? Давай, сиди на круглой попе, и придешь к успеху!

– Вы слышите? – спросил Ямщик с пуфа у собравшихся.

Туся кивнула:

– Четыре миллиарда. Триста с чем-то миллионов. Кися, ты же сам сказал!

Кабуча тоже кивнула, но промолчала. А Дылда прилег на кровать, не сняв обуви. Дылде хотелось спать. Спать и видеть сны, быть может. Какие сны? Ну, к примеру, сон о потере Тусей невинности. Восьмой класс, бабушка уехала в Кременчуг, еще не надо круглосуточно резать мертвых пудельков и британских вислоухих…

Я пьян, сказал себе Ямщик. Они ничего не слышат, кроме моих собственных реплик, а я пьян. Ямщик, не гони лошадей! Это профессиональная деформация, наслаждайся, пока щекочет.

– Не мучь людей, – Ямщик в зеркале ухмыльнулся. – Объяснись по-человечески.

– Я не всех милее, – объяснил Ямщик на пуфе по-человечески. – Я примерно четыре с третью миллиардный. Обидно, да?

Кабуча робко засмеялась.

– Обидно, – согласилась Туся.

Не смущаясь присутствием Ямщиковой супруги, она встала у Ямщика за спиной, взяла четырех-с-третью-миллиардного за плечи, прижалась. Затылком Ямщик чувствовал Тусину грудь: большую, мягкую, обвисшую, но не критично. Сейчас он хорошо понимал Дылду. Терпеть до восьмого класса? Подвиг, честное слово. Или это Туся терпела?

– А по тебе, кися, и не скажешь. Сколько на земле людей?

– Семь миллиардов, – вздохнул Ямщик. – Или уже восемь?

– Даже если восемь. Так, на вид, ты в первом миллиарде. Ну, во втором, в самом начале.

– Вы мне льстите.

– Ничуточки! А я какая? Ну, если по-твоему?

– Какая? – спросил Ямщик у зеркала.

По зеркалу пробежала рябь. Когда она сгинула, Ямщик из зеркала доложил:

– Три миллиарда седьмая. Нет, шестая.

– Почему не седьмая? – строго бросил Ямщик на пуфе. – Что за погрешности?

– Предыдущую сбил грузовик с замороженными цыплятами. Насмерть. Вот прямо сейчас и сбил. Сидней, перекресток Darling Harbour и Chinatown, напротив отеля «Seasons Darling Harbour». Oh, my love, my darling, I've hungered for your touch[1 - Песня Элвиса Пресли «Unchained Melody».]…

– Что она там делала? Ночь на дворе!

– Почему ночь? У них утро, в Сиднее! Вышла на пробежку, а тут хлоп, и грузовик…

– Кися, – Туся прижалась теснее. Ямщик занервничал: он уже представлял последствия, а главное, ясно слышал голос Кабучи: «Ну, как хочешь…» – Я седьмая, да? Из восьми миллиардов? Кися, ты золото!

– Шестая, – заслужив мокрый поцелуй в зарождающуюся лысину, Ямщик решил не уточнять насчет трех миллиардов. – Только не по красоте.

– А по чем?

– По милоте, наверное. Я же спрашивал: «Кто на свете всех милее?»

– По милоте? – Туся задумалась. Спиной и затылком Ямщик чувствовал, как сильно она задумалась. – Тоже неплохо. Может, даже лучше, чем по красоте… Кися, ты зая, ты просто зая!

Ямщик в зеркале хихикнул.

– Нас повысили в звании, – поздравил его Ямщик на пуфе. – С тебя бутылка.

– Будет, – пообещал двойник.

– С меня? – изумилась Туся. – За шестую? Будет! Кися, – она глянула на мужа, но быстро передумала, обернувшись к Кабуче, – принеси бутылочку, а? На троих?

Туся в зеркале облизала языком пунцовые губы. Ямщик в зеркале подмигнул Ямщику на пуфе. Кабуча безмолвствовала.

– А он? – Ямщик большим пальцем через плечо указал на Дылду. – Он не станет?

– Он станет, – сказал Дылда, хлопнув себя по животу. – Сегодня и завтра. И через год. Вот кто знает, что я буду делать через год?

– Что он будет делать через год? – спросил Ямщик с пуфа.

– Сидеть в тюрьме, – услужливо сообщил Ямщик в зеркале. – Изнасилование, повлекшее особо тяжкие последствия, а также изнасилование малолетней или малолетнего, наказывается лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет. Статья сто пятьдесят вторая. Вот, имейте удовольствие видеть…

Зеркало отразило парк – глухой, заброшенный, безлюдный. По узенькой аллее, сплошь заваленной опавшими листьями, шла коротко стриженая девочка, похожая на мальчика, в обнимку с виолончельным футляром. Вечер, из фонарей горел один, дальний.

– Не надо, – отмахнулся Ямщик. – Нет, погоди…

Дылда в зеркале вышел из-за старого каштана. На нем был знакомый светло-бежевый пиджак, но футболка уступила место серому гольфу. Пятна на лацкане и над карманом исчезли; должно быть, пиджак побывал в химчистке. Дылда на кровати сел:

– Так что я буду делать?

– Через год? – переспросил Ямщик, понимая, что отвечать не следует, и зная, что ответит. – Сидеть в тюрьме. Статья сто пятьдесят вторая.

– Попугая зарежу?

Дылда засмеялся. Он вдруг проснулся и даже протрезвел:

– Таксу? Чихуахуа?

– Нихуа подобного. Сядете за изнасилование.

– Попугая? Попугая-зомби? Мне бы ваше воображение!

– Изнасилование, повлекшее особо тяжкие последствия, а также изнасилование малолетней или малолетнего…

Затылком, плечами, спиной, сердцем и печенкой, всем своим телом Ямщик почувствовал, как Туся превращается в камень. Каменный гость, подумал он. Каменная гостья. Сейчас она пожмет мне руку, и я умру.

– Додик, – прошептала Туся. Шепот загремел в затылке Ямщика, словно у Туси не было груди, мягкой и большой, и вообще Туся была колоколом, церковным колоколом, который дернули за литой язык. – Додик, что же ты делаешь?

Слеза упала Ямщику на темя. Одна слеза, и только.

3

Через два «о»

Дверь сотряслась: снова и снова.

Удары были глухие, мощные: детина, мрачен и космат, с упорством маньяка раз за разом садил в дверь крутым плечом. Ямщик дернулся было вскочить, придвинуть к дверям, пока не поздно, тяжеленный, еще дедовский комод из массива дуба, налечь всем телом, сдерживая угрозу – и проснулся. Сердце колотилось на опасном краю инфаркта, одеяло сползло на пол, лишив спящего последней возможности укрыться, завернуться в спасительный кокон; Ямщик беспомощно заморгал, стряхивая липкий морок, и дверь вновь содрогнулась от основания до притолоки. Сон властно вторгался в реальность. «Фантазм», фильм, любимый с юности: сон во сне восневосневосне…

Подобное с Ямщиком уже случалось.

С притолоки отвалилась чешуйка растрескавшейся белой краски, оторванным крыльцем мотылька спланировала на паркет. Следующего удара дверь не вынесла – сдалась, распахнулась, и в черном проеме восстал гневный, требовательный, беспощадный…

– Кретин, – вздохнул Ямщик. – Горит тебе, да?

Это я кретин, подумал он. Нашел, кому на совесть давить: наглой рыжей морде!

– Мяу! – ответствовала морда.

Перевода не требовалось: да, горит. Арлекин хотел жрать, Арлекин хотел пить, Арлекин хотел чистки сортира. Арлекин двадцать четыре часа в сутки чего-то хотел, а то, чего хочет кот, хочет бог. Вставайте, негры, солнце уже высоко! Ломайте горб во славу хозяина! Ямщика всегда поражало, как семь килограммов шерсти и скверного характера ухитряются ломиться в дверь с изяществом Годзиллы, идущей по Токио, а главное, неизменно распахивать вход в рай, хоть заколоти его досками. Ямщику, чтобы справиться с просевшими, вечно заедавшими створками, доводилось прикладывать усилия, достойные Геракла, а рыхлая слабомощная Кабуча – та вообще через день звала мужа на помощь: не могла открыть сама.

Вот Арлекина бы и звала!

– Иду уже, тиран…

– Мяу!

– Сказал, иду!

Со второй попытки он нашарил тапки. Встал с кровати: качает. Вроде, отоспался, а вот поди ж ты… Взгляд уперся в электронные часы; взгляд настроил фокус, превратился во взор. Ядовитая зелень цифр резала глаза. Половина первого. Ночь?

День.

Он прислушался к эсэмэскам, посылаемым организмом. Мозг извлекли, пустой свод черепа набили влажной пылью; кости заменили тряпьем, гнилой ветошью. Могло быть хуже. По крайней мере, не мутит, и голова не раскалывается.

– Мяу! – скорбно напомнил Арлекин.

Только Кабуча, с ее унылой театральщиной, по мановению волшебной палочки обратившейся в профессию, могла назвать вредного, брюзгливого, жирного кота в честь шута из commedia dell'arte. «Он же лентяй! – отстаивала жена свой выбор с горячностью, несвойственной той Кабуче, которую Ямщик знал, как облупленную. Перемена так поразила Ямщика, что он выслушал от супруги больше, чем собирался ей позволить в начале разговора. – Арлекин шут, но он лентяй, обжора, бездельник, любитель подремать в холодке. Это Бригелла – ловкач, а задача Арлекина – вызвать сочувствие к его невзгодам и горестям…» Ты на лекции, спросил Ямщик. На лекции, да? Я похож на студента?! На любых подмостках, от Севильи до Гренады, такого арлекина забросают тухлыми яйцами. «От Севильи? – удивилась Кабуча, все понимавшая буквально. – При чем тут Севилья, commedia dell'arte – это Италия…» Опомнившись, сообразив, что вступает в спор, в конфликт, рискует главным, чем дорожит – покоем, она потухла, оплыла свечным огарком, уже готовая произнести сакраментальное «ну, как хочешь…», но Ямщик опередил ее, махнул рукой: твой кот, зови, как хочешь. Сам он звал рыжего самодура «эй, ты» или «кретин», в зависимости от настроения. Коту было все равно. Хулу и похвалу он принимал равнодушно, а в остальном у них с Ямщиком имелся пакт о невмешательстве. Арлекин не лезет к Ямщику, а Ямщик в отсутствие Кабучи по мере надобности удовлетворяет кошачьи потребности.

Интересно, подумал Ямщик, а как он зовет меня? Наверное, тоже «эй, ты» или «кретин», в зависимости от настроения.

Доставая из кухонного стенного шкафа пакет с шуршащим «Royal Canin», Ямщик мельком глянул в круглое зеркальце для макияжа, забытое женой на подоконнике. Здесь было светлее, чем в ванной, и Кабуча регулярно наводила марафет между газовой плитой и холодильником, придвинув к окну стул. Это бесило Ямщика, но сейчас зеркальце оказалось кстати. Он помахал свободной рукой, и отражение без возражений – внутренняя рифма, будь она неладна! – повторило жест. «Ты выглядишь так, как я себя чувствую!» – всплыла в памяти реплика из вторых «Чужих». А вот и нет! Вместо ожидаемого, да что там, закономерного угрюмца-зомби с землистым лицом и дряблыми мешками под

глазами из зеркального спасательного круга, заключенного в металлическую рамку, на мир глядел вполне бодрый и даже слегка румяный Ямщик Борис Анатольевич, сорока пяти лет от роду. Женат, детей нет, не был, не состоял, не привлекался…

В смысле – несостоятельный и непривлекательный. Четыре миллиарда триста семьдесят два миллиона восемьсот двадцать шесть тысяч двести пятьдесят седьмой в общем списке по милоте.

«Не гони, Ямщик! – возразил двойник; к счастью, беззвучно. – Ты еще ого-го!» Ямщик перевернул зеркало обратной стороной, дававшей пятикратное увеличение, и двойник продолжил монолог с пятикратно возросшим пылом: «Сорок пять? Ягодка опять? Ха! Ты выглядишь максимум на сорок четыре с половиной. Что нам эти миллиарды? Плюнуть и растереть!»

– Льстец, – буркнул Ямщик зеркалу. – Не подлизывайся.

Двойник промолчал, лишь губы честно повторили всю положенную артикуляцию. Вчерашний розыгрыш, отделенный от дня сегодняшнего рвом сна, где плескалась илистая вода и зевали крокодилы, казался эпизодом из рассказа, читанного давным-давно. Провалы в памяти? Какие провалы в памяти?! Он все прекрасно помнил. Особняк на окраине – разбитая грунтовка, запущенный сад. Вино в хрустком пластике – дрянь, кислятина. Раздражение, скука. Шашлык, лаваш, зелень. Скука, раздражение. Пиво, текила. Скука. Зачем вы пишете про зомби? Гарнитур-кривоножка, продавленное ложе любви. Тусин романтический мемориз о потере невинности. Свет мой, зеркальце, скажи. Туалетный столик, овал замызганного зеркала, которому место на помойке…

Да, зеркало. Да, розыгрыш. Жестокий, надо признаться, розыгрыш. Профессиональная деформация, ага. Это ты арлекин, дружище, натуральный арлекин в черной маске с бородавкой на лбу, злой клоун, как бы ни возражала commedia dell'arte, оскорбленная в лучших чувствах, и тухлых яиц тебе тоже накидали с избытком: пришлось уносить ноги, ибо Додик все норовил зацепить тебя увесистым патологоанатомическим кулаком. Додика отчаянно штормило, он промахивался, Туся вопила, урезонивая разбушевавшегося супруга, хватала буяна за выступающие части тела, скорее не позволяя ему упасть, чем спасая Ямщика; нет, Додик был упрям, Додик шел в бой, последний и решительный, он жаждал мести, и сделалось ясно: рано или поздно кулак угодит в цель, по теории вероятности или по теории больших чисел; ах, не все ли равно, по какой

теории, если по морде, по наглой рыжей – лысеющей! – морде…

Вряд ли Кабуча была в состоянии вызвать полицию. Бьют мужа, убивают, хоронят и эксгумируют, для Кабучи полиция – подвиг. Но с вызовом такси она худо-бедно справилась, и водитель не подвел: одно колесо там, другое – тут. В полночь, час призраков и бомжей, они вернулись домой, где Ямщика сморил сон – едва до кровати добрел.

Сказать по правде, розыгрыш не стоил выеденного гроша – или ломаного яйца, это как угодно. Но если сделать маленькое допущение…

Разговор с отражением. Всеведенье двойника. Печальное грядущее Дылды. Утром герой рассказа (повести? чем черт не шутит!) терзается сомнениями: поверить – выставить себя круглым болваном, психом с видами на персональную палату с мягкими стенами. Но герой упрям, он не уехал на такси, нет, он остался ночевать в особняке. Утром он достает всех – Дылду, Тусю, свою жену – расспросами; нервный срыв, герой хватает молоток – ну есть же в доме молоток? – бьет зеркало, топчет осколки, хватает их руками; кровь, порезы, Туся вызывает «скорую»… Вкрадчивый голос психиатра. Галоперидол. Электрошок. Серийный маньяк-убийца в палате-камере по соседству. Вопли безумцев не дают уснуть. Украденная канцелярская скрепка. Замок, вскрытый после десятка безуспешных попыток. Санитар с расколотым черепом: иначе не уйти. Ошметки мозгов на стене, следы босых ступней на полу. Воспользовавшись случаем, сосед-маньяк тоже бежит…

Эк тебя несет, красавец. По кочкам, по штампам.

Он упаковал сокровища Арлекинова сортира – не «Шанель № 5», нет, не «Шанель»! – в черный кулек из плотного полиэтилена, тщательно завязал. Промыл лоток, вытер, загрузил свежий наполнитель. Зачем-то выглянул в окно, страдальчески сощурился от буйства солнца. Мусорные баки под акацией, этой неопалимой купиной, как и следовало ожидать, стояли на прежнем месте. Что только коммунальщики с акацией не делали: пилили-рубили, душили-душили, а из стесанного пня вопреки сатрапам проклевывалась и стремительно шла в рост свежая, жизнерадостно-яркая зелень.

Вон, опять выше гаражей вымахала.

Покончить с акацией было проще простого. Огонь, кислота, толстый слой нитрокраски; ведро банальной поваренной соли… Но давать подсказки дендрофобам Ямщик не собирался. В противостоянии дворников и флоры он болел за акацию, и злорадно ухмылялся, наблюдая тщету муниципальных усилий. Равнодушный к зеленым насаждениям, Ямщик просто не любил коммунальщиков.

Снять треники с пузырями на коленях. Надеть джинсы. Сунуть ноги в разношенные сандалии. Мятую футболку с застиранными ликами «King Crimson» оставить, как есть. Не на дефиле собрались! Проверка, не забыл ли ключ, теперь захлопнуть за собой дверь – и вниз по лестнице. А по дороге зайдем от обратного: мистику герой презирает, ищет рациональное объяснение – и, представьте себе, находит. Скрытые камеры в спальне, зеркало – проектор, вернее, дисплей. Скоростная обработка изображения на мощном компьютере, внесение корректив в режиме реального времени. Заранее смонтированные нарезки видео с участием присутствующих, модулятор голоса… Мотив? Эксперимент, афера, подстава. Тут главное – второе дно, третье, пятое. Овидий, «Метаморфозы»: все не то, чем кажется…

– Гражданин!

Ментов было трое, как в классическом анекдоте. Или они уже не менты? Моя полиция меня бережет. Вон и форма новая. Кто вы теперь, парни? Понты?!

Слово царапало язык. Понты? Точно не они.

– Да?

– Вы где проживаете?

– Здесь. Четвертый этаж.

Он указал на окна своей квартиры.

– Документы?

– Дома.

– Что у вас в пакете?

– Говно, – с нескрываемым удовольствием сообщил Ямщик.

Ей-богу, он не поверил своему счастью. Не часто в Министерство культуры звонят и спрашивают: «Прачечная?»

– Не понял?!

– Говно, – раздельно повторил он. – Через два «о».

– Стойте, где стоите, – ладонь старшего легла на кобуру. – Руки держать на виду. Гармаш, проверь.

Гармаш, белобрысый лопоухий сержантик в форменной бейсболке, надвинутой на лоб, двинулся к Ямщику по дуге, мелкими шажками. Гармаш опасался перекрыть директрису огня. Теракт века: шахид покушался на мусорный контейнер! Чтоб вонища на весь квартал! Но полиция бдит, преступник схвачен и изобличен…

С осторожностью бывалого сапера, подыгрывая сержанту, Ямщик протянул ему пакет. Гармаш пакет принял, стараясь держать его подальше от себя, начал возиться с узлом. Узел стоял насмерть, сержант пыхтел, кокарда на фуражке старшего плавилась в лучах солнца. По виску Ямщика сползла липкая капля пота. Еще решат, что он нервничает…

Сержант совладал с пакетом. Сунулся внутрь, потянул носом:

– Блин! Говно!

– Что?!

– И правда говно! Не соврал гражданин…

Лицо старшего начало медленно багроветь.

– С какой целью, – он с усилием прокашлялся. – Зачем вы носите это с собой?!

Хренушки, подумал Ямщик. Не дам я тебе повода, и не надейся.

– Это наполнитель для кошачьего туалета. Использованный. Шел выбрасывать в мусор. Куда его еще девать?

– Гармаш?

– Я!

– Верни гражданину его говно.

Возвращаясь, Ямщик ликовал. Настроение, еще недавно бултыхавшееся возле отметки «паршивость средняя», взлетело до «хорошо, и хорошо весьма». Дома он не удержался, глянул в зеркало. Отражение вело себя адекватно: не своевольничало, соответствовало ощущениям. Полицейский адреналин еще бурлил в крови: дрожа от сладостного предвкушения, Ямщик включил компьютер. Следовало записать наброски сюжета, и эпизод с двумя «о» туда чудесно ляжет.

Он представил, как читатель упрекнет его в вульгарности, а он в ответ зацитирует эпизод сходной тематики из Умберто Эко, и настроение воспарило к небесам.

Хватило надолго, до ночи: спать Ямщик лег счастливый.

4

На третий быть беде

– Боренька, ты уже встал?

Уменьшительно-ласкательные он не любил, в книгах старался избегать, а по отношению к себе – ненавидел. Жена это знала, смирилась, привыкла, но случалось, забывала. Напоровшись на его яростный взгляд, ахала, охала, прикрывала ладошкой округлившийся рот; долго, с придыханием, извинялась. Увы, сейчас Кабуча находилась вне зоны видимости, и оплошности своей в полной мере не осознала. Он хотел ответить резкостью, жаль, в носу засвербело, и Ямщик оглушительно чихнул.

– Будь здоров! – донеслось с кухни. – Тебе кофе или чай?

Почему ты не на работе, спросил Ямщик у призрака жены. Почему?! Июнь? Лекции закончились? Ну да, консультации, зачеты, экзамены. Сегодня, похоже, выходной.

Он никогда не помнил Кабучиного расписания.

– Кофе! Только позже. Я в ванную.

Брился Ямщик без малейшей охоты, лишь потому, что щетина чесалась, а за бородой пришлось бы ухаживать. Опасная бритва? Станок? Пижонство, игрушки доморощенных мачо. Электробритва насухо, без пены и лосьонов, и потом умыться: летом – холодной водой, зимой – теплой. Всё, шабаш. Иногда Ямщик полагал, что его утилитарные взгляды на бритье – детская психотравма, последствия тесного общения с отцом, кларнетистом эстрадного оркестра при филармонии, маэстро на все руки, от моцартовского концерта ля мажор до «Petite Fleur» Сиднея Беше. Вспыльчивый, как его кумир Беше, который во Франции открыл пальбу из пистолета по коллегам, за что и сел в тюрьму, правда, ненадолго, отец следил за своей внешностью с тщанием природного франта, готов стрелять по любому, кто помешает процессу. Он брился дважды в день, утром и вечером, перед выступлением, надолго занимая ванную комнату, обставляясь чертовой уймой цирюльных примочек – санузел был совмещенный, Ямщик-младший плясал в коридоре от нетерпения, рискуя напрудить в штаны – и всякий раз, завершив церемонию, отец звал сына, подставлял щеку и велел: «Потрогай! Гладенько, а?» Ямщик трогал, втайне содрогаясь: замшевая, мокрая от одеколона щека отца на ощупь была странноватой, живой и в то же время неживой, рождая больные ассоциации, чье имя Ямщик узнал позже, повзрослев. Он даже не исключал, что его лучшие книги – да что там, все книги вообще, весь утонченный эстетский ужас, оформленный черными буквами на белой бумаге, вышел, как русская литература вышла из гоголевской шинели, из прикосновения

детских пальцев к идеально выбритой отцовской щеке.

– Это еще что такое?

Зеркало в ванной украшала россыпь засохших белых брызг. Разумеется, неряха-Кабуча оставила. Ну просил же ее, бранил, язык стер, напоминая! Ямщик не терпел перемен, замыкаясь в привычках, как улитка в раковине, и когда польский шкафчик из дешевого пластика, что висел над мойкой, перестал закрываться, а лампочка, горевшая наверху, превратила крышку в оплавленный желтый бугор, он заставил Кабучу ходить на вещевой рынок, как на работу, пока она не отыскала точную копию испорченного шкафчика, от внутренней начинки до зеркального прямоугольника, и не вызвала мастера, грубияна и вымогателя, который, впрочем, повесил новый шкафчик быстрее, чем Ямщик предполагал, да еще и дал совет вставить в патрон «холодную» лампочку, чтобы не поплавить крышку снова. Ей-богу, пройти квест с заменой шкафчика было проще, чем приучить Кабучу к элементарной аккуратности. Морщась от брезгливости, Ямщик с тщательностью японского оружейника, полирующего драгоценный меч, протер зеркало влажной губкой, и еще раз, ветхим «техническим» полотенцем, некогда китайским и махровым. С рыбками, что ли? Теперь не разобрать. Оставшись доволен результатом, он подмигнул отражению:

– Потрудимся, джентльмен?

Отражение подмигнуло в ответ: с опозданием и, кажется, другим глазом.

– Прёт тебя, голубчик, – обрадовал Ямщик двойника. – Ай да ты, ай да сукин сын!

Двойник согласился.

– Лови момент, второго шанса не будет.

Двойник и тут не стал возражать.

– Вдохновение? Пфе! Бери выше!

Полное вживание в материал, долгие беседы, а бывало, что и споры со вздорными персонажами, внезапный подъем ночью, когда вглядываешься в

темноту, в смутные очертания мебели, и не понимаешь, где ты, у себя в спальне или в сумеречной зоне эпизода, наспех записанного поздним вечером – это случалось с Ямщиком всего пару раз в жизни. Так родились два рассказа, честная, без дураков, гордость Ямщика: «Эвольвер» и «Назову это добром».

– На третий быть беде, – отражение подмигнуло снова, без видимых причин. – В третий раз старик закинул невод…

– И сидит теперь, как дурак, без невода.

Разговор с двойником бодрил лучше допинга. Воображение, заржавевшее от долгого бездействия, с удовольствием набирало обороты. Рациональное объяснение, камеры, компьютер? Рацио психо не помеха. Герой – психопат, личность раздвоена, как язык у змеи; половинки-антагонисты ведут диалоги без начала и конца, словно в пьесах Эжена Ионеско, их речь освобождается от привычных значений и ассоциаций, делается понятной только им двоим. Боже мой, кому интересен нормальный, уравновешенный герой? Никому, и автору – в первую очередь. Норма скучна, норма блекнет рядом с шикарным буйнопомешанным Синьором Отклонением. Извращение – это прекрасно! Психи у Ямщика выходили живее всех живых. Он их любил, но странною любовью.

– Психи – твой конек, верно?

– Ага, конек. Конек поехавшей крыши.

– Жалкие потуги. Не смешно.

– Критиканствуешь?

– Хохмишь? В петросяны метишь?

Двойник скорбно поджал губы. Ямщику, считай, голому, в одних семейных трусах, почудилось, что мимолетный программный сбой одел двойника в строгий угольно-черный костюм. Синяя рубашка, неяркий галстук в горошек, завязанный узлом, похожим на крепко сжатый кулачок… Траур? Похороны таланта? Костюм исчез, вернулись трусы, вялый животик и безволосая грудь. Отражение склонило голову набок, изучая оригинал с откровенным скепсисом: так

коллекционер антиквариата смотрит на экспонат из захолустного краеведческого музея.

Ямщик втянул живот, расправил плечи:

– Саспенс и драйв – наше всё?

– С драйвом у тебя, дружище, затык. Допинг? Подыщи что-нибудь круче пустой болтовни.

Заигрался, отметил Ямщик. Пора заканчивать. Впрочем, игра с отражением увлекла его. Еще капельку, а? Как в детстве: дочитаю эту главу, и спать! Ну ладно, еще одну… Нет, ну это точно последняя на сегодня! Что? Уже завтра?

– О чем задумался, детина?

– О твоем предложении. Допинг покруче? She don't lie, She don't lie, She don't lie – Cocaine[2 - Припев из песни «Cocaine» группы Nazareth.]? Дорожка из белого порошка в страну волшебника Оззи?

– Кокс по-дзэнски, ударная доза!

С достойным ответом вышла промашка: двойник вдруг обрел чрезмерную самостоятельность, вызывающе наплевав на оригинал. Ямщику даже послышался тихий, но явственный треск, словно порвалась пуповина, соединявшая его с зеркальным отражением. Наверное, с таким звуком в мозгу рвутся нейронные связи. «…Со слабым таким сухим треском, словно обыкновенная паутина лопается, но, конечно, погромче…» – подкинула дровишек в огонь услужливая память.

Он хорошо знал, чем это кончилось у Стругацких.

Кошкой метнувшись в угол, двойник ухватил старую швабру – наследие эпохи развитого социализма. С потешной решительностью взмахнул раритетом: арлекин, пародирующий доблестного рыцаря Айвенго. Семейные трусы – сияющий доспех, швабра – меч-кладенец… Комедию портили глаза, с детства знакомые Ямщику глаза, загоревшиеся чужим хищным огнем.

Нет, глаза у двойника были совсем не потешные.

Когда отражение бросилось на него из зеркала, Ямщик рефлекторно отшатнулся. Так отшатывается от экрана монитора новичок, рискнувший поиграть в 3D-шутер от первого лица. Если в лоб тебе несется полыхающий файербол, поди, останься на месте! Боковым зрением Ямщик отследил странное движение; не в зеркале, как предполагалось, а в ванной комнате. Злополучная швабра, отражение которой сжимал в руках двойник, недоброй волей выбралась из угла и взмыла в воздух над Ямщиком, чиркнув по белой «вагонке» потолка. На краткий, призрачный миг обе швабры слились воедино, грянул ослепительный салют, угас, снова вспыхнул – свет-тьма-свет – и Ямщик обнаружил себя сидящим на кафельном полу. Квадраты бежевой плитки, тонкая аккуратная расшивка; мохнатый комок пыли под умывальником – паук-птицеед в засаде. Спину давил угол стиральной машины. Голова болела, саднил оцарапанный висок; вторя голове, отчаянно ныл ее антипод, отбитый при падении.

– Твою мать!

Хрустя коленями, кряхтя по-стариковски, цепляясь за стиралку – та качнулась, но устояла – Ямщик предпринял попытку встать, но сумел лишь утвердиться на четвереньках, по-собачьи. Отражение в зеркале поигрывало шваброй, ухмылялось, глядя на его жалкие потуги. Еще, без слов спрашивал двойник. Еще порцию, клиент? Оригинал швабры покачивался в воздухе над ванной, рядом с сушилкой для полотенец, в точности повторяя движения своей зеркальной копии.

– Ну как? – спросил двойник. – Чувствуешь просветление?

С подчеркнутой медлительностью, окаменев лицом, он занес орудие вразумления, намереваясь повторить урок. Швабра-оригинал также пришла в движение. Кюдзо, вспомнил Ямщик. Знаменитый фехтовальщик Кюдзо из культовых «Семи самураев» Куросавы, прелюдия к поединку с грубияном, и реплика Симады Камбэя, случайного зрителя, прозвучавшая за миг до того, как грубиян ринулся вперед, к своей позорной гибели: «Безумец!» Безумец, завопил кто-то надтреснутым голосом. Безумец! Опрометью, плохо соображая, что делает, Ямщик на четырех костях бросился прочь из ванной. В мозгу жужжала, трудилась, выгрызала колкую щетину взбесившаяся электробритва: насухо, без пены и лосьонов. Слава богу, беззвучно вскрикнул Ямщик. Слава богу, что я бреюсь электро… Отчетливо, будто наяву, он видел, как двойник берет с

отраженной полочки опасную бритву «Solingen» с перламутровой рукояткой, открывает ее – и высверк лезвия со стремительностью атакующей кобры полосует Ямщика по горлу. Струя крови брызжет на зеркало, ухмылка отражения превращается в клоунский оскал, стекает вниз, по подбородку, на польский пластик, в мойку, пузырится в сливе; злой клоун хохочет, тонет в блестящем омуте, блеск гаснет – и наступает тьма кромешная.

– Боря? – спросила с кухни жена. – У тебя все в порядке?

– Все! – заорал Ямщик. – Все!!!

– Боря?

– Все! Моим врагам такой порядок!

Глава вторая

Я вернусь,

Пока живу, дышу и горю,

Я клянусь, что пройду через это,

С руками, протянутыми во мрак,

С глазами, прикипевшими к зеркалу,

удивляясь, если все это истина.

Питер Хэммилл, «Удивляясь»

1

Большое человеческое спасибо

– Два американо.

– Мне эспрессо.

– Один эспрессо и один американо.

– Заказ принят. Садитесь, вам принесут.

Дылда медлил, топтался у стойки. Пиджак он сменил на другой, джинсовый, с бордовым кантом на карманах. Пиджак был Дылде коротковат: наверное, кто-то убедил щеголеватого патологоанатома, что такой фасон удлиняет ноги, а значит, стройнит. Убедительный кто-то соврал Дылде, но Ямщику меньше всего хотелось сейчас обсуждать тонкости высокой моды.

– Коньячку? – спросил Дылда. – По пятьдесят?

– Спасибо, не надо, – отказался Ямщик.

– Детская доза! Сосудики расширим…

– Я не буду.

– «Старый Кахети», а? Ага, вон еще «Renuage», он мягче…

– Возьмите себе. Я ограничусь кофе.

– Ну, если передумаете…

Садясь за угловой столик у окна, Ямщик без интереса смотрел, как Дылда берет два по пятьдесят. Упрямый, подумал он. Упрямый осел. Надеется меня соблазнить. Нет, это я осел. Зачем я согласился? Неужели потому, что мне страшно оставаться дома? Мне, домоседу, моллюску, обитателю башни из слоновой кости?!

Столик, как и пиджак, оказался не по размеру: Ямщик при каждом движении боялся опрокинуть держатель с салфетками, лаковую стоечку с рекламой

коктейлей, а то и сам стол, будь он проклят.

– Где вы взяли номер моего телефона? – задал он вопрос, когда Дылда с коньяком в руках, не доверяя официантам, вернулся к столику. – Не помню, чтобы я вам давал его.

Вопрос прозвучал агрессивно, но Дылда сделал вид, что ничего не замечает.

– Жена отыскала, – коньяк тяжко колыхнулся в бокалах, оставил на стенках маслянистые потеки. – Моя Натуся что хочешь найдет. Хотите сокровища Флинта? Вы только маякните, она найдет…

Захрипела кофемашина. Бармен выставил на стойку пару блюдец, разложил пакетики с сахаром, ложечки. Дылда наблюдал за действиями бармена с таким вниманием, как если бы смотрел «Паяцев» в La Scala, и Амброджо Маэстри уже запел пролог. Боится, понял Ямщик. Боится меня, боится предстоящего разговора; знает, чего хочет, но не знает, как начать.

– Извините, пожалуйста, – с изяществом слона в посудной лавке Дылда умостился напротив. Он пригубил коньяк, вернее, одним глотком ополовинил порцию и повторил, дернув щекой: – Извините, а?

– За что? – удивился Ямщик.

Он ждал чего угодно, кроме извинений. Дылда ни словом не заикнулся о своем намерении просить прощения, когда звонил Ямщику и настаивал на личной встрече. Настаивал? Вцепился мертвой хваткой, как бульдог в глотку соперника. Голос звериного прозектора журчал в мобильнике, соком белены лился в уши, вязал по рукам и ногам; таким проще уступить, чем объяснить, почему ты отказываешься, и Ямщик кивнул: «Хорошо, только поближе к моему дому. «Франсуа»? Да, эта кофейня устраивает. В пять тридцать, договорились…»

– Я не должен был, не имел права… – Дылда допил коньяк и с тоской посмотрел на второй бокал, которым собрался искушать собеседника. – Ну, распускать руки. И Натуся твердит, что я дурак. Я тогда выпил… Перебрал, скажу честно. Это я, да?

Он указал на полоску пластыря, украшавшую висок Ямщика.

– Нет, – успокоил его Ямщик. – Это я.

– Врете вы все, – Дылда решился повторить. Коньяк он глотал трудно, кадык ерзал под кожей, выпячивался острым клином. – Нарочно врете, чтобы меня успокоить. Лучше вы простите меня, и будем друзьями…

Этого только не хватало, испугался Ямщик.

– Прощаю, – торопливо сказал он. – С кем не бывает?

– С вами не бывает.

– Бывает.

– И опять вы врете. Вы – человек интеллигентный, вам ли рукоприкладствовать? Я и представить не могу, что вы кого-нибудь бьете…

Официантка принесла кофе. Девчонка, по виду – школьница, она украсила нос серебряным кольцом с гравировкой. Укрепленное в хряще между ноздрями, кольцо свисало до края верхней губы. В кольцо хотелось вставить веревку и повести официантку куда-нибудь, скажем, в стойло или на бойню.

– Вы пейте, – велел Дылда. – Пейте кофе, а то мне неловко.

– Давид, э-э…

– Давид Эрнестович.

– Давид Эрнестович, вы зря так переживаете. Это скорее мне надо извиняться. Я неудачно пошутил, и вы имели полное право…

– Не имел.

– Нет, имели. Я бы на вашем месте…

– На моем месте вы бы отомстили иначе, да? Вы бы вставили меня в книгу?

– В книгу?!

– Три «п»: пьяница, педофил, патологоанатом? – Дылда засмеялся, и лучше бы он этого не делал. – Персонаж на миллион долларов, гарантирую! Вы бы меня увековечили?

– Вы идите, – сказал Ямщик официантке. – Спасибо, нам больше ничего не надо.

Девочка закрыла рот, дважды хлопнула ресницами и, оглядываясь через плечо, едва ли не бегом вернулась к стойке. Там она поманила бармена, всунула губы тому в ухо и что-то горячо зашептала. Бармен хмыкнул и отвернулся. Три «п»? Бармена, завсегдатая тренажерок, густо покрытого цветными татуировками, не испугали бы и другие три буквы, хоть какие возьми.

– Коньяк, – спросил Дылда. – Вы вообще не пьете коньяк или только сейчас?

– Только сейчас.

– Это хорошо.

– Почему?

– Вот почему, – Дылда, нет, Давид Эрнестович, торжественный и величественный, раскрыл спортивную сумку, которую принес с собой, и извлек на свет божий подарочную упаковку «Арарата». – От чистого сердца.

– Нет, я не могу…

– Можете. Обязаны. И не вздумайте отказаться! Я стану преследовать вас с этим коньяком. Буду сидеть в подъезде у вас под дверью, стоять под балконом, пугать ваших соседей, – Дылда хохотнул, и опять зря. – Возьмите подарок, выпейте за мое здоровье, и я буду знать, что вы не напишете обо мне в одном из своих опусов. Я буду спать спокойно, и вы тоже. После коньячка-то, а? Кто хочешь заснет…

Господи, понял Ямщик. Боже мой, да ведь он смертно, до одури боится, что я выведу его в своей книге. Парк, вечер, шуршание листвы, девочка с виолончелью; тень выходит из-за каштана… Он боится попасть в книгу больше, чем в тюрьму.

– Чаренц, – произнес Ямщик.

– Что?

– Коньяк «Чаренц», тридцать лет выдержки. Коробка из кожи аллигатора. Назван в честь Чаренца Егише, классика армянской литературы. Бутылка «Чаренца», и мы идем к нотариусу.

– Зачем?

– Заверить мое обязательство никогда не описывать вас ни в одном из моих, как вы изволили выразиться, опусов. Давид Эрнестович, вы же взрослый человек! Ну что вы, в самом деле? Не надо никакого «Чаренца», и «Арарата» не надо, вы прямо смущаете меня…

– Нет, – Дылда привстал, – «Арарат» вы возьмете.

– Нет, не возьму.

– Нет, возьмете. Иначе я обижусь…

«Проще уступить, чем объяснить, почему ты отказываешься,» – вспомнил Ямщик, принимая коробку из его рук. Справа от Ямщика располагалось большое арочное окно, которое выходило на улицу, кипевшую от машин и пешеходов; слева, от стойки к их столику – стена из узких зеркальных полос, переложенных лентами темно-коричневого, в млечных разводах пластика. В окне, размыт бликами вечернего солнца, отражался Ямщик с коробкой, сидящий в креслице с выгнутой спинкой, сплетенном из искусственного ротанга; в стене-зеркале – Ямщик без коробки, мигом ранее вставший из-за стола. Чувствуя, как в желудке тает ком рыхлого льда, Ямщик с коробкой следил за Ямщиком без коробки – подмигнув оригиналу, тот обошел столик и встал у Дылды за спиной. Когда он шел, из-за коричневых лент казалось, что их много, Ямщиков без коробки, что имя им –

легион.

– Спасибо, – с чувством произнес Дылда. – Большое человеческое спасибо.

Когда он сел, Ямщик без коробки вышиб из-под него кресло.

Упал Дылда скверно. В неудачной попытке смягчить удар ладонь уперлась в пол – и рука Дылды, выпрямленная в струночку, приняла на себя весь изрядный вес хозяина. Патологоанатом вскрикнул и сел, дыша часто-часто, судорожными рывками, будто собака на жаре. Из глаз Дылды брызнули слезы, потекли вниз по брылястым щекам.

– Перелом Коллиса, – детским писклявым голоском озвучил он диагноз. Похоже, Давид Эрнестович разбирался не только в дохлых котах и попугаях. – Надеюсь, без смещения. Четыре недели в гипсе, две недели реабилитации. Лечебная гимнастика, массаж…

Снизу вверх, как ребенок на строгого, склонного к экзекуциям родителя, Дылда смотрел на Ямщика. Когда он слизнул крупную, ярко блестевшую слезу, затекшую ему в угол рта, Ямщика передернуло.

– Зачем вы это сделали? – спросил Дылда.

2

Удивляясь, если все это истина

– Ты! Ртутное отродье!

Он с такой яростью сжал ручку Кабучиного зеркала, что в кулаке отчетливо хрустнуло. Пластиковая накладка? Нет, костяшки Ямщиковых пальцев. Двойник слегка приподнял бровь, обозначив вежливый интерес: продолжай, я слушаю.

– Ублюдок амальгамы! Ты что творишь?!

– С кем вы сейчас разговариваете?

Мерзавец вдруг решил перейти на «вы», но Ямщик не собирался потакать этой принудительной вежливости:

– С тобой!

– С ртутным отродьем? Ублюдком амальгамы?

– Да!

– Иными словами, с собственным отражением? Вы больны, сэр. Заказать вам экипаж в дурку?

Слово «дурка» ударило Ямщика под дых. Третья производная от психиатрической лечебницы: сумасшедший дом – дурдом – дурка. Последнее – для имбецилов, неспособных выговорить даже примитивный «дурдом». Хуже, чем «дурка», Ямщика бесило только слово «фотка». Похоже, двойник это знал – и пользовался, сволочь.

– Ты! ты!..

Раньше Ямщик полагал, что зашипеть разъяренной коброй можно только в третьесортных дамских романах. Оказалось, не только. Губы тряслись, при каждом звуке он плевался – увы, не ядом, как небезызвестный литературный персонаж, а всего лишь слюной, жаркой и пузырящейся. Зеркало оросила мерзкая россыпь капель – привет неряхе-Кабуче.

– Думаешь, на тебя управы нет?! Возомнил о себе…

– Зеркало протрите, будьте любезны.

– Ты! Дрянь, дрянь…

– Самого не мутит? Расплевались тут…

Правота отражения – брезгливый Ямщик понимал ее нутром, самой мякоткой своего существа – подбросила лопату угля в топку клокочущего гнева. Гнев искал выхода, и началось это не сейчас, а еще по дороге домой. Ямщик с трудом удерживался от глупостей, взгляд его метался по сторонам, ища – и находя! – все новые, новые, новые отражения. Витрины распальцованных бутиков, окна первых этажей, чисто вымытые или пыльные, засиженные мухами; стекла автомобилей, несущихся мимо, зеркальные очки идущего навстречу пижона… Двойник был везде, он преследовал жертву по пятам. Кто следующий? Кто сменит Дылду? Мамочка с коляской? Старушка с палевым кокер-спаниелем? Дворник? Бомж?! Обложили меня, обложили… Отражения мелькали, множились, строились легионом – господи боже мой, да я же никогда не замечал, сколько их вокруг. Они повсюду! Издеваясь, повторяют твои движения, жесты, мимику; притворяются покорными рабами хозяйской прихоти, усыпляют бдительность, только и выжидая удобного момента, чтобы накинуться, поднять на рога. Корчат рожи за спиной, гримасничают, издеваются – арлекины, паяцы, злые клоуны… Самое дерзкое, а может, самое нетерпеливое отражение бросилось на Ямщика из большого выпуклого зеркала на перекрестке – зачем, зачем его здесь установили?! – и Ямщик едва не заорал, шарахнулся прочь, под колеса оливковой «Тойоты» с мятым бампером. В уши вонзился отчаянный визг тормозов, и на краткий миг, отделивший здравый смысл от безумия, Ямщик уверился: это визжит он сам.

– Козел! Куда прешь?!

Из водительского окна сунулся наружу толстяк в белой тенниске, мокрой от пота. Раскрыл жаркий, губастый рот так, словно решил заглотить козла целиком, с рогами и копытами:

– Жить надоело?!

Широкое лицо толстяка пятнала шрапнель веснушек; лицо было таким же мятым, как бампер его железной кобылы. Казалось, минутой раньше толстяк с разгону врезался в Ямщика, ударился носом, щеками, подбородком, расплющил внешность – и вот-вот потребует оплатить ремонт. Ямщик вжал голову в плечи и вприпрыжку, сгорая от стыда, засеменил по «зебре» перехода, благо зажегся зеленый свет. Неужели тот, в зеркале, пытался отправить его под колеса? Или Ямщик сам выскочил на проезжую часть, а теперь ищет виноватого?

Надо держаться. Сохранять спокойствие. Идти, просто идти. Нет, не бежать. Нет, не прыгать. Нет, не ускорять шаг. В подъезде нет зеркал. Это хорошо, очень хорошо. Отражения в стеклах? Может ли двойник напасть из стекол? У тебя паранойя. Главное, добраться до дома. Дома и стены помогают, дома мы что-нибудь придумаем; главное – добраться…

В подъезде его никто не поджидал. Смазанные отражения в грязных, заляпанных краской стеклах между этажами если и следили за Ямщиком, то враждебных действий не предпринимали. Дом, милый дом! Минуты три, если не пять, он стоял в сумеречной прихожей, боясь включить свет: привалился спиной к косяку второй, внутренней двери, дышал мелко и часто. Зеркало! В прихожей, рядом со входом в гостиную, есть ростовое зеркало. Успокоившееся было сердце рвануло в галоп; в висках гулко толкнулась кровь. Дядя Вова умер от инсульта, невпопад вспомнил Ямщик. Дядя Вова, и еще тетя Стася, сестра матери… Сильно вытянутый, как зулусский щит, овал зеркального стекла без рамы, укрепленный между парой металлических рогов, окрашенных в черный цвет; предатель, враг на круглой подставке. Любимое зеркало Кабучи – когда краска на рогах и подставке облезла, Кабуча день за днем, с упорством маньяка обклеивала верхнюю плоскость опоры и наконечники рогов зернами обжаренного кофе, бормоча что-то про современную эстетику…

Отсюда, от косяка, Ямщик в зеркале не отражался. Имеет ли это значение? Решившись, он быстро расстегнул пуговицы, сорвал провонявшую страхом рубашку, швырнул ее на проклятое зеркало, как шинель на амбразуру дота, а сам присел на корточки – знать бы еще, зачем! – и, не обращая внимания на боль в коленях, ушел из зоны обстрела, с разгону влетев в кухню. Схватил Кабучино макияжное зеркало, сжал изо всех сил: шалишь! вот ты у меня где! в кулаке!

– …никто! Ты никто!

– Ну, допустим.

– Отражение! Призрак, тень! Без меня тебя нет!

– Это спорно.

– Тень, знай свое место! Место, зеркалыш! Понял?!

– Хорошо, я никто, – согласился двойник, подозрительно уступчивый. – А ты? Ты-то у нас ого-го! Личность! Венец творения! Владыка жены своей и всея квартиры! Ты, вне сомнений, звучишь гордо. Значит, место?

Лицо двойника исчезло, провалилось в блестящий омут. На его месте возник средний палец – недвусмысленно выпяченный, неправдоподобно огромный, он перечеркнул зеркальный кругляш по вертикали, снизу доверху, словно бесстыдно восставший фаллос. Да, утверждал палец. Да, и пусть у тебя не останется сомнений насчет того, что я думаю по поводу твоих приказов и твоей истерики. Завершив монолог, палец исчез, изображение в зеркале мигнуло, как при смене кадров в любительском фильме – и двойник обнаружился уже поодаль, насколько это было возможно в пределах кухни. Сукин сын развалился на табурете, откинувшись спиной на холодильник, весь в Кабучиных магнитиках. Левая рука зеркалыша вальяжно разлеглась на кухонном столе, в опасной близости от деревянной подставки «Bekker» с набором ножей. Ножи были на месте – все четыре, и топорик для рубки птицы, и ножницы, и мусат для выравнивания режущей кромки.

У Ямщика ёкнуло сердце. Двойник перехватил взгляд хозяина квартиры, с пониманием кивнул:

– Что? Нравится мизансцена?

Зеркало, подумал Ямщик. Оно-то у меня в руках! Швырнуть с размаху об стену; накрыть полотенцем… Как завороженный, не предпринимая никаких действий, он продолжал пялиться в убийственную гладь. «Я клянусь, что пройду через это, – запел Питер Хэммилл, восстав из бешено крутящегося роя воспоминаний, – с руками, протянутыми во мрак, с глазами, прикипевшими к зеркалу…» Капельки слюны исчезли – знать бы, куда?! – зеркальная поверхность была девственно чистой. Неужели Ямщик успел ее протереть? Когда? Или само высохло?! В таком случае остались бы пятнышки, разводы…

«Удивляясь, если все это истина…»

С ловкостью пианиста, ласкающего клавиши диезов и бемолей, двойник перебрал кончиками пальцев черные рукояти ножей:

– Молчите, сэр Приямок? Не обмочились случаем?

Обидное прозвище хлестнуло пощечиной. Школьные годы чудесные Ямщик наглухо стер из памяти, похоронил под напластованиями более поздних воспоминаний и искренне надеялся, что навсегда.

Зря надеялся.

Произнесенное вслух, прозвище сыграло роль заклинания некроманта, подняв из могилы гниющий труп. Воспоминание-зомби: лохмотья обветшали, плоть местами отслоилась, обнажив желтые кости; черты лица смазались, открыв ухмыляющийся череп. Я знал его, Горацио! Заброшенная пристройка в глубине двора. На метр в землю утоплена ниша полуподвального окна, забранного ржавой решеткой – приямок. Ветер, а может, дворник намел в нишу целый ворох осенних листьев: не желто-красного праздника, пахнущего ликером «Averna», горьким и пряным, но буро-коричневую слизь. От листвы слабо, но отчетливо тянуло собачьим дерьмом и тухлятиной. Когда Ямщик был во втором классе, туда, в приямок, в вонючую гниль забросили его кепку. Старшие мальчики – пятый класс? шестой? – развлекались, тираня мелкую пацанву. Ну что же, пришлось лезть, доставать. Вылезти ему не дали: всякий раз, когда Ямщик пытался выбраться, его сталкивали обратно в приямок, сталкивали ногами, демонстративно не желая марать руки. Глумливо морщились, напоказ зажимали носы: «Фу, вонища! Это твой дом, Приямок? Ты тут живешь?» Сколько это продолжалось, Ямщик не помнил. Когда мучителям надоела забава, они ушли играть в футбол, а Ямщик – нет, теперь Приямок, если не навсегда, то надолго – всхлипывая, поплелся домой. Кличка приросла с мясом, захочешь отодрать, умоешься кровью: не яма, не подвал, так, ни рыба ни мясо – Приямок. Слово пахло разложением листвы, еще недавно яркой и свежей, бессилием, унижением, отчаянием; от запаха сводило скулы…

– Заткнись! Заткнись!!!

Ямщик обнаружил, что трясет зеркало, как кошка крысу, пытаясь вытрясти из него если не жизнь, то хотя бы ненавистное отражение. Нет, двойник уперся ногами в пол, спиной – в холодильник, левой рукой – в стол. Он намертво приклеился седалищем к табурету – не выгнать, не выбросить прочь.

– А то что? В суд подадите, сэр? Вызовете милицию?

По карнизу, булькая чайником, забытым на огне, расхаживал голубь, рябой и жирный. Возле детской площадки выбивали ковер. Гулкий набат разносился над гаражами и заборами, ему визгливо откликалась дрель в далеком окне. На скамейке под кленом веселилась компания тинэйджеров, заглатывая дешевое пиво из баклажек. Солнце, до середины скрывшись за домом напротив, тянулось к парням и девицам рыжими пальцами, тщилось припечь напоследок вихрастые макушки, но клен грудью встал на защиту подрастающего поколения. Лишь редким золотым иглам удавалось пронзить его плотную, темно-глянцевую листву. Жизнь была до одури рельефной, выпуклой, осязаемой. Ямщик ощущал эту реальность тем ярче, чем глубже он увязал в пучине омерзительного скандала с собственным отражением.

– У нас полиция, придурок!

– Да? – удивился двойник. – И какая разница?

– Большая!

– В полиции есть отдел по борьбе с галлюцинациями?

– Я! я тебя… Своими руками!..

– В рассказец вставите? В романец? Ах, быть нам гаденьким, мерзеньким, с геморроем и гайморитом! Ах, убьют нас с особым цинизмом! Федор Михайлович Приямок! Лев Николаевич Приямок! Эдгар Аллан Приямок…

Губы отражения двигались, как при замедленной съемке: изгибались, кривились, плямкали, утрировали артикуляцию. Жаба! Самодовольная жаба в затхлом болоте зазеркалья! Тварь упивается собственной безнаказанностью, пока булыжник не расплещет тину, не размажет гадину…

Ямщик зарычал. Ямщик ударил.

С размаху, едва не вывихнув плечо, изо всех сил, в центр зеркала, за миг до этого прижав его к стене, для упора; сжатым до боли, до хруста кулаком, прямо в рот, в выпяченные губы двойника, которые вдруг оказались близко-близко, словно подставленные для поцелуя. Холодная гладь треснула с хрустом, с каким

ломается испорченный зуб, под кулаком содрогнулось упругое, податливое, живое – чужая плоть, мясо, добыча. Никелированное кольцо рамки задрожало, от центра в стороны рванулась черная, ломкая паутина трещин – словно весной на реке взломался лед – и там, в глубине расколотого зеркала, отшатнулся двойник, схватился за рот, разбитый в хлам. Между пальцами отражения плеснула кровь, закапала на пол; двойник бросился прочь из кухни, а кухня вокруг него рушилась, распадалась, погибала в границах круглого металлического армагеддона…

– Получил?! Получил, сука?!

Да, хохотал Ямщик. Да! Я это сделал! Я его достал! В рассказец? В романец?! А в морду?! В морду не хо-хо?! Швырнув зеркало на пол, он принялся в исступлении топтать его ногами. Летние мокасины из дырчатой замши плохо подходили для возмездия – сапоги! будь на нем сапоги! грубые кирзачи… – но Ямщик и без сапог трудился на совесть. Зеркало хряскало, стонало, вскрикивало, из оправы вывалился осколок, третий, десятый. Россыпь осколков; россыпь багровых капель. Я что, босой, изумился Ямщик. Я изрезал подошвы? Это туфли, они не кровоточат… Он поднес к лицу свой до сих пор сжатый, белый от напряжения кулак: тот был в крови. Кровь обильно сочилась из порезов на костяшках пальцев, капала на пол. Кровь пахла железом и триумфом. Ерунда! Вода, йод, пластырь, и кулак будет как новенький. Надо прибраться на кухне, пока не вернулась Кабуча; Арлекин спрятался, но позже вылезет, он везде сует свой нос, а тут его миска для корма – нельзя, чтобы кот напоролся на осколок или, не дай бог, проглотил… Одна плитка на стене раскололась, нижняя часть ее отвалилась – там, где Ямщик прижал к стене зеркало для удара. Господи, какие же это пустяки! Что, гаденыш? Нашлась и на тебя управа?!

Ямщик ликовал. Он был счастлив: по-детски, взахлеб.

3

Перемена – это что угодно, но только не позор

«… в таком случае я не имею возможности подписать предложенный Вами договор. Слово «договор» я понимаю как договоренности между двумя

сторонами, которые обсуждаются и редактируются. Договор – это компромисс, а не ультиматум. Если Вы предлагаете мне договор в формате, который нельзя редактировать, а можно только подписать без каких бы то ни было изменений…»

Ямщик перечитал письмо, поставил флажок автоподтверждения, нажал «отправить», проверил, что письмо сохранилось в папке корреспонденции, ушедшей к адресату, и откинулся на спинку кресла с удовлетворенным вздохом охотника, взявшего гризли на рогатину. Еще утром он собирался подписать договор с «Флагманом» – «распространение экземпляров Произведения в электронном виде любым способом (продажа, прокат и т. п.) через сеть Интернет» – махнув рукой на мелкие шероховатости. Автор не участвует в формировании цены? Отсрочка квартальных выплат, если суммарный размер вознаграждения не превышает пятьдесят долларов США? Обязательства участия в рекламных акциях? Лицензию «Флагман» просил неисключительную, особых заработков от этой сделки Ямщик не ждал – так, слезы горькие – а значит, готов был уступить. Договор в формате, защищенном от редактирования – Ямщик даже не смог скопировать фрагмент текста, чтобы вставить его в письмо к юристу «Флагмана» для обсуждения – раздражал, но не до такой степени, чтобы тратить на чепуху свое драгоценное время. Сделать распечатку, подписать, отсканировать, отправить сканы юристу – «Стороны приравнивают отсканированный и отправленный по электронной почте документ к оригиналу…» – добавить ссылку на архив с текстами, заблаговременно сброшенный на Яндекс-диск; все, проехали, забыли, пьем кофе, слушаем старый добрый «Van der Graaf Generator»: «Я начал жалеть, что мы однажды встретились среди измерений; стало очень тяжело притворяться, будто перемена – это что угодно, но только не позор…» И не вспоминать, не жалеть (тюха! тряпка!), не спорить задним числом; не отравлять песню ядом внутренних диалогов: «Я начал жалеть, что мы однажды встретились (распространение экземпляров Произведения…) среди измерений; стало очень тяжело (Стороны приравнивают отсканированный…) притворяться, будто перемена – это что угодно, но (отсрочка квартальных выплат, если…) только не позор…»

– Испортил песню! – произнес Ямщик сдавленным голосом, подражая Евгению Евстигнееву, лучшему, на взгляд Ямщика, исполнителю роли Сатина в горьковской пьесе «На дне». – Дурак!

И рассмеялся, хотя вряд ли эта реплика, финальная в спектакле, подразумевала хоть крупицу юмора.

Еще утром, да, но вечер все изменил, а ночь закрепила. Лучшая из ночей, Лейлят уль-Кадр, Ночь Предопределения, про которую Аллах сказал, что она лучше, чем тысяча месяцев. Ямщик не помнил, в какой из сказок Шехерезады прочел про Лейлят уль-Кадр, зато хорошо помнил кровь на сбитом кулаке, паутину торжествующих трещин и бегство двойника. О, все это великолепие, сокровищницу халифа аль-Рашида, сохранила даже не память, а крестец, вздыбленные лопатки, костный мозг, хищное подрагивание мышц, надпочечники, откуда до сих пор хлестал чистейший, как спирт, адреналин. Отказывая юристу «Флагмана», Ямщик видел не монитор, но зеркало, и, нажимая «отправить», бил кулаком в самый центр отражения, в рот, уже готовый разразиться оскорблениями, вколачивал непрозвучавшие обиды в глотку, где им и место; побеждал, изгонял, утверждал себя.

– Пьем кофе, – громко произнес он.

Кофе давно остыл, да и не следовало ночью увлекаться кофе, с его-то сердцем, но Ямщик сделал глоток, другой, и с вызовом, словно дерзил опостылевшему врачу, вернул опустевшую чашку на блюдце.

– Слушаем. Я сказал, слушаем! Старый добрый «Van der Graaf»…

«Твои детские обиды, – покорно откликнулся плеер, и Ямщик прибавил громкости. Сейчас он, пожалуй, хотел, чтобы соседи сверху застучали в пол, требуя тишины. – Твои детские обиды и трусливые претензии превращают тебя в лицемера…»

Соседи спали, а может, просто не хотели скандала. Кабуча позвонила без четверти одиннадцать, предупредила: задержалась, переночую у мамы. Раньше Ямщик выговаривал ей за каждую такую ночевку: ему было все равно, но шоу должно продолжаться – жена делает самостоятельный выбор, он предлагает ей чувствовать себя виноватой, она соглашается. Кажется, Кабуча, человек-желе, мало способная на сильные чувства, очень удивилась, услышав его безразличное, украденное у нее самой: «Ну, как хочешь…» Арлекин, и тот прятался: Ямщик не видел кота с момента возвращения в квартиру, когда рубашка упала на зеркало в прихожей, а сам Ямщик ринулся в кухню, горя желанием мести. Понял, скотина, кто в доме хозяин!

– Кис-кис, – великодушно позвал Ямщик. – Жрать хочешь?

Кот не откликнулся.

– Эй, кис-кис! Ты где? Вылезайте, кушать подано…

Актерской походочкой Ямщик выбрел из кабинета – и лишь теперь признался себе, что шел вовсе не на кухню, к арлекиновой миске, а на свидание, новую встречу с недавним мучителем. Скрип рассохшегося паркета под тапками-шлепанцами впервые не раздражал Ямщика. В эту волшебную ночь он звучал дивной музыкой, волнующим саундтреком к триллеру категории «А», грохотом сапог по булыжнику. Кто сказал, что симпатии зрителя на стороне героя? Природа ужасного иная: монстр – вот кто настоящий герой! Нет, не в овечью – в волчью шкуру мечтаем мы влезть на подаренные нам судьбой полтора часа экранного времени. Беззубые, хотим оскалить клыки, веганы, желаем рвануть парного мясца; тюфяки, жаждем упиться насилием… Черт возьми, да мы сгораем от зависти к монстру! Монстр уверен в себе, осознает свою силу, свое превосходство; монстр бесстрашен – это его боятся: до икоты, до дрожи в коленках, и монстр издалека чует сладкий запах добычи, вонь липкого холодного пота. До поры монстр скрывается во мраке, медлит, шаркает старенькими шлепанцами: ужас жертвы – деликатес, его едят без спешки, ножом и вилкой, растягивая удовольствие, а не запихивают в рот вульгарными кусками.

– Кис-кис, кто не спрятался, я не виноват…

Он остановился на пороге, отделявшем гостиную от прихожей, за шаг до зеркала. Явиться двойнику Ямщик не спешил. Потрепать гаденышу нервы – дело святое.

– Эй, ты там? В зеркале?

Двойник молчал.

– Где же тебе еще быть? Или тебя нет, пока я не соизволю отразиться? Пшик, дырка от бублика…

Двойник молчал.

– Это мне нравится, кися. Это значит, что ты у нас послушный мальчик. Являешься по первому моему зову, как раб лампы. Эй, джинн! Ну скажи: «Слушаю и повинуюсь!»

На улице проехала машина, свет фар мазнул по окну.

– Упрямишься? Ну да, ты у нас парень с характером…

Ямщик собрался было включить свет, но сразу отказался от этой идеи. Хватит и отсветов из открытой двери кабинета: тревожный сумрак, то, что доктор прописал – добрый доктор Франкенштейн. Шкура монстра пришлась впору, как родная. И ведь не просто глумимся над зеркалышем – справедливость восстанавливаем! Выждав еще с минуту, он протянул руку, открыл верхнюю дверцу платяного шкафа – жаль, не заскрипела. На ощупь, без лишней суеты, нашарил пару зимних перчаток из черной кожи; тщательно разгладил пластырь на сбитых костяшках, и с осторожностью, чтобы не сорвать, натянул перчатки. Нет, руки мы больше резать не станем, и не надейтесь.

– Маэстро, туш! Впервые на манеже!

Темный силуэт в глубине зеркала был на месте. Замер в настороженном, тревожном ожидании. Именно так он, Ямщик, выглядел еще вчера: вялость, робость, испуг, плечи поникли, взгляд рыскает по сторонам, как у крысы, загнанной в угол. Глаза двойника прятались в безвидных угольно-черных провалах, но воображение мигом дорисовало нужную картинку. Он, Ямщик, изменился, из жертвы превратился в хищника, а тот, в зеркале, запоздало копирует его-прошлого. Или не копирует? Может быть, все проще: теперь двойник – жертва, и не в силах с этим бороться? Ямщик поднял левую руку, повел ладонью в воздухе, словно протирая запылившуюся поверхность – дабы истинное положение вещей стало ясным не только ему.

– Привет, кися.

Отражение не ответило, лишь безропотно повторило его жест. В движении двойника сквозила неуверенность, готовая в любой миг перерасти в панику.

– Кися, ты кого хочешь обмануть?

Сухой смешок разодрал горло. Вот ты и попался, дружище, со злым торжеством отметил Ямщик. Знаешь, кто тебя выдал? Сударыня Перспектива – ты стоишь на пару шагов дальше от разделяющей нас зеркальной поверхности, чем полагается честному добропорядочному отражению.

– Боишься? Правильно делаешь.

Двойник молчал. Без освещения Ямщик не мог разглядеть, шевелятся его губы, повторяя сказанное, или нет. Кажется, шевелятся. Кажется, парень кусает губы, кусает больно, до крови, пытаясь справиться с рефлексом, требующим повиновения. Ямщик демонстративно размял стянутые перчаткой пальцы. Самое время сравнять счет. Удар шваброй – раз, сломанная рука Додика – два. А мы врезали зеркалышу всего разок. Не порядок.

– Иди сюда, кися.

Он поманил двойника: «Кис-кис-кис!» Отражение дернулось, окончательно себя выдав. Двойник пытался отступить назад, удрать из рамы, но теперь, после поражения, он ничего не мог противопоставить воле Ямщика. Копия, пусть гаденькая, своевольная – ей ли противиться оригиналу? Подчиняясь словам, а, может, жесту Ямщика, двойник сделал шаг. Идти он не хотел, упирался, силясь остаться на месте, но его тащило вперед, как на аркане.

– Ближе. Еще ближе…

Бандерлог, бредущий к удаву, двойник приблизился еще на шаг. Ноги из дерева, не гнутся, руки обвисли тряпками, шея едва заметно подергивается. Механическая кукла, марионетка, которую тянут за ниточки. Сочленения заржавели, кукла повинуется со скрипом, но повинуется, ей просто некуда деться. Двойник с усилием поднял голову: должно быть, он хотел взглянуть Ямщику в глаза, но не осмелился, взгляд соскользнул в сторону. Шевельнулись серые губы:

– Хватит…

Отражение качнулось вперед, и Ямщик ударил.

Треск, хруст, изломы трещин стремительно бегут по зеркалу. Твердая гладь раскалывается под кулаком, острые сколы едва не прорезают перчатку. Звон хрустальной осыпи, падающей на паркет – и кулак, проломив хрупкую преграду, с размаху врезается в живое, податливое, дрожащее от страха…

Без сомнения, все должно было произойти именно так. Ямщик столь отчетливо представил себе все последствия, что даже не сумел толком удивиться, когда его кулак ухнул внутрь зеркала. Он испытал лишь краткое упругое сопротивление, как если бы пробил пленку тяжелой и плотной жидкости; например, ртути, входящей в состав амальгамы. Впрочем, там, в зазеркалье, Ямщика и впрямь ожидало податливое, живое – кулак врезался в скулу двойника, и тот с воем отлетел назад, запоздало вскидывая руки для защиты. Гаденыш не устоял, с размаху сел на задницу, ткнулся лицом в колени, продолжая орать – и до Ямщика наконец дошло, что орет не двойник, и вообще, все происходит не вполне по плану.

Чуть замешкавшись, он с легкостью выдернул руку из зеркала. Волна давления скользнула вдоль предплечья, от локтя к запястью – и дальше, зацепив до сих пор сжатый кулак. Поверхность зеркала сомкнулась: без волн, ряби или разбегающихся кругов, как это изображают в третьесортном кино. С превеликой осторожностью, словно опасаясь, что зеркало раскалено, Ямщик тронул его кончиком пальца. Стекло, обычное стекло. Уцелело? Да это подарок судьбы, не иначе! Душераздирающий ор успел к этому времени наполнить квартиру до краев, терзая уши. Ушераздирающий ор?

– Заткнись! Заткнись!!!

Кошачьи вопли метались по комнатам, эхом отдавались в кухне, туалете, коридоре, и Ямщик никак не мог определить, откуда блажит кот. Слава богу, после второго окрика Арлекин умолк. Сегодня воля Ямщика, если ей удалось принудить к повиновению мохнатого упрямца, была близка к божественной.

– Вставай, – приказал он двойнику. – Я же стою?

Чуть замешкавшись, двойник поднялся на ноги. Влажно хлюпнул носом, утерся тыльной стороной ладони, но лишь размазал кровь по губам и подбородку. Ямщик не помнил, чтобы разбивал двойнику нос, но принял это как факт, не требующий осмысления.

– Потом умоешься. Иди ко мне…

Деревянные раньше, сейчас ноги отражения превратились в вату. Казалось, они волочатся не под двойником, а далеко позади него, загребая и шаркая. Руки, пара вялых водорослей, шевелились – искали, за что бы ухватиться, и не находили. Ямщик даже испытал брезгливую жалость к зеркалышу: непривычное чувство мелькнуло тусклой электрической искрой и кануло в небытие. Счет два-два, надо закрепить урок!

Уже на границе зеркала двойник вскинул голову, начал медленно, с усилием расправлять плечи. Хорохоришься, паскудник?! Ямщик ударил снова, с наслаждением; от наслаждения остался лишь первый слог: н-на! Как и в первый раз, зеркало утратило твердость, упругая волна промчалась по руке от кисти к плечу, кулак Ямщика вскользь зацепил щеку двойника и ухнул в пустоту зазеркалья. Потеряв равновесие, Ямщик качнулся следом; рефлекторно он выставил вперед левую руку, опасаясь расквасить нос о стекло – и не ощутил опоры! Пальцы, ладонь, локоть, плечо – все провалилось в предательское зеркало вслед за правой рукой. Прохлада жидкого металла омыла лицо, расступилась; цепкие пальцы отражения клещами впились в запястье. Ямщик ощутил чужую хватку на загривке: у двойника, как и у оригинала, тоже были две руки, и обеими он, сволочь, пользовался с неожиданной для избитого терпилы ловкостью.

Инерция влекла Ямщика вперед, мощный рывок буквально вдернул его в зазеркалье. Кожей, обнаженными нервами Ямщик почувствовал, как смыкается за спиной равнодушная пленка – и неуклюже, боком, грохнулся на пол.

«Ногу! Он подставил мне ногу…»

Мимо метнулся смазанный силуэт; промелькнул и исчез.

4

Армагеддон

Ничего не изменилось; изменилось все.

Ямщик сидел, больно отбив копчик при падении, в углу прихожей, у зеркала, только зеркала, разделявшего двоих, больше не было. Напротив, неуклюже привалясь спиной к дверям стенного шкафа, сидел двойник – хорошо воспитанное отражение, он полностью копировал позу Ямщика, вот только Ямщик сомневался, что лицо двойника соответствует лицу оригинала. Нет, черты остались те же, знакомые с детства, и боль коверкала их точно так же, как кривился от боли сам Ямщик, и губа закушена, и три складки между бровями – все верно, когда б не торжество… Торжество, будь оно проклято, проступало из-под боли, словно асфальт из-под стаявшей корки льда; искорками, робкими поначалу, вспыхивало в сощуренных глазах, превратившихся в черные щели; зубы двойника отпустили нижнюю губу, и рот заплясал, задергался в беззвучном смехе, а может, рыдании, не в силах противиться конвульсиям торжества.

Я не смеюсь, подумал Ямщик. Я ведь не смеюсь, да? Что-то случилось со зрением: отблески люстры, горящей в кабинете, сникли, потускнели, сейчас они гораздо хуже освещали прихожую, чем раньше. В них появилась мутноватая зелень, яичный желток, ленты кожицы, счищенной с баклажанов; чудилось, что пока Ямщик падал, злобный дворник успел набить кабинет снизу доверху палой листвой, и она уже начала гнить, превращая кабинет в ловушку, в омерзительный приямок, куда только прыгни – не выберешься.

– Ты? – спросил Ямщик двойника. – Ты зачем, а?

Двойник не ответил. Вопрос и не требовал ответа, настолько нелепым он был, но двойник вдруг легонько ударил затылком в стенной шкаф, и еще раз, сильнее, и опять, как если бы проверял крепость стены, или крепость затылка, или реальность собственного существования. Губы его расплылись в улыбке, и двойник хрипло, клокоча глоткой, захохотал, когда маленькая ниша возле выключателя содрогнулась от его ударов. Вниз, на пол, едва не сломав отражению пальцы, упала дверца – плоская, обклеенная «матрасными», в полосочку, обоями, теми же, что и прихожая. За дверцей, в нише, прятался электросчетчик, и Кабуча регулярно заглядывала туда, снимая показания. Ямщик сто раз говорил ей, что дверцу надо закрепить на петлях, и сто раз Кабуча обещала, что да, в среду, максимум в пятницу…

– Надо, – двойник взял дверцу. – Так надо, понял?

Смысла в ответе двойника было еще меньше, чем в вопросе Ямщика: «Зачем?» Счетчик, подумал Ямщик. Стенной шкаф. Ниша возле выключателя. Нет, этого не может быть. Я не могу все это видеть. Я должен сидеть на его месте, спиной ко всему перечисленному, а он – на моем. Когда я стоял перед зеркалом, и шкаф, и счетчик располагались у меня за спиной. Двойник дернул, я упал, врезался в зеркало… Куда ты делось, зеркало? Если, вопреки здравому смыслу, я сижу в углу между порогом гостиной и входом в Кабучину спальню, а я, судя по ощущениям, сижу в этом самом углу, зеркало должно стоять передо мной, только не зеркальной, а темной, закрашенной стороной ко мне. Зеркало, где ты? Свет мой, зеркальце… Нет, стоп, если двойник сидит у стенного шкафа, значит, я тоже сижу у шкафа – в конце концов, кто здесь отражение?

– Надо, – повторил двойник.

Он взвесил дверцу в руках, покачал, будто примериваясь – и вдруг изо всех сил запустил в Ямщика. Отшатнуться Ямщик не успел, да и некуда ему было отшатываться. Дверца крутнулась плохо различимым силуэтом, ребром целя насмерть перепуганной жертве между бровей. Ямщик в мыслях уже успел и убить себя, и закопать, и надпись написать, вот только дверца не долетела до него. В двух ладонях от Ямщиковой переносицы она врезалась в преграду-невидимку – истошный звон, хруст, треск, и дверца сгинула, как не бывало, вместо того, чтобы разнести Ямщиков череп вдребезги. Взамен черепа разлетелась прихожая вместе с ликующим двойником – брызнула осколками, длинными треугольниками реальности, которой пришел конец. Ямщик вскочил, откуда и силы взялись, метнулся вправо, к вешалке, а осколки дробились, множились: фрагменты стенных шкафов, россыпь ниш, мозаика электросчетчиков, вихрящаяся фурнитура дверных ручек, дюжина порожков гостиной, нарезанных ломтями. Осколки бритвенными краями полосовали Ямщика; тело или сознание, он не знал, что именно, но не удивился бы, выяснив, что истекает кровью. Отсветы из кабинета полыхнули гнилостным фейерверком, пошли вертеться каруселью. Газовая труба под потолком, задрапированная лозой искусственного плюща, упала на пол, через каждые десять сантиметров рождая точные копии себя, превратилась в японскую ширму, перевернутую горизонтально – планки, выкрашенные белой краской, соединительные полосы ткани со смазанным изображением плюща; косые удары меча полосовали ширму по диагонали, уродуя, разрушая цельность…

Прочь! Прочь отсюда!

Спиной к армагеддону, как был, в домашнем халате и шлепанцах, Ямщик сломя голову вылетел на лестничную клетку. Дверь за ним захлопнулась с оглушительным грохотом, и лишь сейчас Ямщик сообразил, что все, что творилось в квартире, все, что сломал бросок двойника, происходило беззвучно, если не считать прелюдии: звона, хруста, треска. Звуки, терзавшие слух, дорисовывало воображение, но воображаемая какофония не становилась от этого менее мучительной. Ужас щелкнул пастушьим кнутом, мысли спутались, и Ямщик кинулся вниз по лестнице, стремясь оставить между собой и двойником, чье безумие заразно, максимум расстояния. Он не сразу заметил, что лестница тоже сошла с ума. В подъезде, к счастью, горели лампочки, но свет от них колыхался, дрожал, оборачивался маревом цвета подмороженного, местами белесого апельсина – так отражаются уличные фонари в лужах, колеблемых ветром, в мутных стеклах между этажами, когда на улице идет дождь. Освещение творило с лестничными ступеньками черт знает что: одних превращало в любимчиков, четких и оформленных, других размывало в жидкую кашицу, третьих заглатывало, переваривало и возвращало в мир пригоршней дерьма, липкой блевотиной, тиной гиблого болота. Сослепу Ямщик угодил ногой в озерцо такой тины, провалился до колена, упал лицом вперед – плечо взвыло от боли, когда он треснулся о перила, сперва о деревянный, крашеный суриком поручень, затем о чугунные, с завитками, прутья опоры; и еще раз, виском, лишь чудом удержав себя на краю беспамятства. Позади чмокнули, всасывая добычу; вопя во всю глотку, Ямщик подхватился, рванул вперед заячьей скидкой, чуть не вывихнул ногу, но спас, выволок ее из чавкающей утробы – господи, разве это перила? почему они извиваются?! – скорей, скорей, тут опасно, тут я пропаду, вон из подъезда, на улицу, кто-нибудь да поможет…

Он бежал; когда не смог бежать – полз. Улицы Ямщик не запомнил, помощи не дождался. А из окна вслед ему, опасно балансируя на раме форточки, распушив рыжий хвост, орал несчастный Арлекин – с надрывом, с переливчатой тоской, как брошенный на произвол судьбы младенец.

Глава третья

Старше, мудрее, печальней, незрячей,

смотрите, это мы идем,

Быстрее, дольше, упорнее, сильней,

сейчас это начнется:

Краска пузырится, осколки отражения падают

в центр, в финальное великолепие распада.

Питер Хэммилл, «Детская вера в конец детства»

1

Икар, Человек-паук и Эдгар Аллан По

– А-а-а!

Ямщик подхватился и сел.

Нет, не сел и уж точно не подхватился – всего лишь открыл глаза. Усилий на это понадобилось больше, чем на самое бодрое вскакивание. Отчаянно закружилась голова, и Ямщик чуть не сдох от счастья: я лежу, слава богу, лежу на твердом, устойчивом, настоящем, иначе точно бы упал. Я болен, тяжело болен, мне нужен постельный режим. Мне приснился кошмар, страшный сон…

Сон. Страшный.

Рядом с Ямщиком пыхтело чудовище. Человечиной оно не интересовалось, с шумным сладострастием обнюхивая скамейку. Из пасти чудовища, из-под вислых морщинистых брылей, на асфальт текла струйка липкой слюны. Зрение сбоило, морда собаки – ну конечно же, собаки! – расплывалась, меняла форму, как в кривом зеркале комнаты смеха.

– Фу! – горлом выдохнул Ямщик.

– Фу! – откликнулось эхо. – Домой, Икар, домой!

Домой собака не торопилась. Сделав вид, что не слышит хозяина, Икар задрал ногу и помочился на Ямщика. Струя ударилась о край скамейки, разбилась фонтанчиком, россыпью желтых, дурно пахнущих брызг, оросила полу? Ямщикова халата. Ямщик застонал, как если бы его ошпарили крутым кипятком, отполз в сторону, под куст жасмина, борясь с рвотными позывами. Жасмин отцветал, лепестки стаей бабочек-боярышниц слетали на землю, на Ямщика, свернувшегося калачиком; аромат цветов мешался с вонью собачьей мочи.

– Фу…

Пальцы нащупали халат: влажный, скользкий. Ямщика передернуло от омерзения. На том месте, где Ямщик лежал минутой раньше, качалась мокрая трава. Мокрая? Складывалось впечатление, что брылястый Икар справил нужду сразу в двух, мало связанных друг с другом реальностях: в первой не было никакого Ямщика, лишь трава да скамейка, во второй же Ямщик был, честное слово, был, и Икар выразил ему свое песье презрение.

– Домой, я сказал!

Со всех четырех ног, от усердия заваливаясь на бок, Икар кинулся догонять хозяина, и Ямщик рискнул сесть. Собак он побаивался, хотя и под пытками не признался бы в этом, и втайне обрадовался, что пес не полез его обнюхивать. Другое дело, почему Ямщиком не заинтересовался хозяин Икара. Живой человек лежит под кустом, в халате, собака на него гадит… Бомж, осознал Ямщик. Он принял меня за бомжа. Что бы я сделал на его месте? Тоже прошел бы мимо, и собаку отозвал – еще подхватит какую-нибудь заразу.

Господи, стыдно-то как!

Болело все: спина, голова, плечо, колено. Ныли потроха, сколько их ни есть. Мерзко хрустели суставы, каждое движение отдавало в затылок гулким эхом, от которого темнело в глазах. Правую голень уродовали ссадины: длинные, кирпично-красные, с воспаленными, неприятно багровеющими заусенцами. Висок дико зудел, Ямщик почесался, чуть не содрал шершавую нашлепку корки и выругался сквозь зубы. Облегчения брань не принесла. Где я, подумал он. Ага, жасмин, тигровые лилии, грядка пушистых бархатцев. Клумба под фигурными решетками окон первого этажа. Из ближайшего, выставленного на проветривание, на свободу рвется пианино: расходящаяся гамма. Восьмой дом,

третий подъезд. Репетирует маленькая Люся, внучка Вадима Долгера, тирана и деспота, в прошлом – драматического тенора, солиста оперы. Полтораста метров до нашего подъезда. Недалеко же ты уполз от родины, приятель…

Хлопнула дверь.

– Здравствуйте, Эмма Викторовна…

Эту женщину Ямщик знал с детства. Паспортистка ЖЭКа, выйдя на пенсию, Эмма Викторовна заскучала, расхворалась, но вскоре нашла спасение в добровольной, двадцать четыре часа в сутки, каторге. Она подметала тротуар от салона красоты «Феникс» до «Люксоптики», собирала по дворам картон и прочую макулатуру, сдавая добычу в пункт приема; чинила оградки, кормила бездомных кошек и служила матерью Терезой для каждой травинки, каждого цветка. Вот сейчас она повернет голову, увидит расхристанного, обоссанного собакой Ямщика… Соврать? Ночью, возвращаясь домой, повздорил с компанией пьяных сявок, был бит, ограблен, брошен под ракитов куст…

– Доброе утро, Коленька!

Не останавливаясь, Эмма Викторовна просеменила дальше. Ее приветствие адресовалось толстому мальчику лет семи, в шортах и футболке с мультяшным изображением Спайдермена. Неизвестно, почему, но безразличие отставной паспортистки, ласковой с кошками и заботливой с былинками, резануло Ямщика по нервам больнее, чем задранная нога гада-Икара.

– Эй! – каркнул он, обращаясь к мальчишке. – Эй, человек-паук!

Если человек-паук и спасал попавших в беду, то Ямщик не значился в его списке клиентов. Проводив мальчишку взглядом, в котором мешались гнев и бессилие, Ямщик переждал новый, вдвое сильнее предыдущего, приступ головокружения. Головой он приложился крепче, чем хотелось бы: с глазами творилась капризная чертовщина. Утреннее солнце, утверждал подлец-взгляд, освещало улицу с избирательной неравномерностью: местами дома? просто купались в брызжущем сиянии, как если бы их облицевали панелями зеркал, отражающих солнечные лучи, местами же углы зданий, автомобили, припаркованные где попало, а в особенности арки подворотен тонули в зыбкой тени, теряли четкость, вздрагивали, словно живые, и оплывали воском на огне. На это

безобразие накладывался плавающий фокус: куда ни глянь, близорукость соседствовала с дальнозоркостью, словно две давние приятельницы. От их тесной дружбы Ямщика тошнило так, что он всерьез боялся опозориться на людях.

Сотрясение мозга?!

– Улица… улица корчится безъязыкая…

Не имея даже представления, с чего бы это в памяти всплыл ранний Маяковский, Ямщик начал вспоминать, в каком году была написана поэма «Облако в штанах». Сейчас он готов был думать о чем угодно, лишь бы не переживать заново ночной кошмар, а главное, не пытаться сводить концы с концами. Да, профдеформация. Да, заигрался, зашел слишком далеко. Да, острый психоз. Ну и что? Гоголь был шизофреником, Есенин параноиком. Лермонтов страдал суицидальными наклонностями. Эдгар Аллан По – алкоголизм, депрессии, галлюцинации; скончался в клинике, призывая к себе Джереми Рейнолдса, исследователя Северного полюса. Ямщик, дружище, чем ты лучше автора «Убийства на улице Морг»? Если тебе не отвечает Эмма Викторовна, если тебя игнорирует Спайдермен – зови на подмогу знаменитого полярника. Может, хоть полярник откликнется?

Домой, срочно домой! Отлежаться, отдышаться, прийти в себя; принять ванну, наконец! Ползком, на карачках, тушкой, чучелом – домой, в башню из слоновой кости…

Уцепившись за куст, он начал вставать. Жасмин категорически отказывался служить костылем: ветки гнулись, лепестки сыпались. Вдобавок подвело колено: опухшее, оно пульсировало, как созревший нарыв, и протестовало против любой попытки нагрузить его весом. Хоть бы не перелом, молился Ямщик. Что там говорил Дылда? Перелом Коллиса? Растяжение, вывих, разрыв связок – что угодно, лишь бы не перелом… Шаг. Другой. Третий. Шагами это назвал бы разве что писатель-фантаст, но никак не автор «Проекта «Вельзевул»: ковыляя, припадая на пострадавшую ногу, хватая руками воздух, Ямщик двинулся в направлении своего дома. Левый шлепанец потерялся еще ночью, в босую подошву впилось острое, мучительное, но задержаться, вынуть осколок – или что там?! – он побоялся. Остановишься – упадешь. Поднимешь ногу, желая осмотреть подошву – упадешь. Сядешь на скамейку – больше не встанешь. Увидишь осколок – свалишься в обморок, если это осколок зеркала, будь оно

проклято. Лучше так, лучше брести, морщась от рези под веками, постанывая от раскатов колокола в звоннице черепа. По ком звонит колокол, а? Улица корчилась, принимала контрастный душ из света и тени, оживала, чтобы умереть и воскреснуть, а Ямщик шел – не удивляясь, не видя ничего вокруг, впервые в жизни не задумываясь, что скажут на его счет злопыхатели, увидев Ямщика в таком паскудном состоянии; шел, тащился с единственным желанием моллюска втянуть тело в раковину квартиры, а дальше хоть трава не расти. Мокрая, помеченная Икаром трава…

Он не помнил, как добрался до подъезда. Не помнил, как обманул домофон, как вошел без магнитного ключа. Не помнил, как поднялся по лестнице. Не помнил, как оказался в квартире. Позже, несколько дней спустя, Ямщик сообразит, что ему чудовищно, невообразимо повезло, больше, чем везет пьяницам и дуракам, но это случится потом. Сейчас же он, подобно быку, оглушенному кувалдой, лишь мотал головой и тащил себя вперед, чтобы в прихожей упасть на колени, задохнуться от боли и повалиться набок под овальным зеркалом, укрепленным между парой металлических рогов.

Зеркало. Целехонькое.

Разбить зеркало – к беде.

Почему оно уцелело?!

Ямщик приподнял голову. То, что сперва показалось ему зеркалом, на самом деле было овалом клубящегося тумана. Приняв форму зулусского щита, туман висел на подставке, уцепившись крюками за перекладину, соединявшую рога. В булькающей кипени не отражалось ничего; когда Ямщик попытался заглянуть туда, набат в голове чуть ли не взорвался.

– Да, дорогая. Да, все в порядке…

Двойник вышел из кабинета. Ямщик на полу его не удивил и даже не слишком заинтересовал.

– Возьми такси. Да ну, чепуха, какое еще метро! – телефон двойник прижал к уху плечом. Он уже успел переодеться в спортивный костюм Ямщика и, судя по уверенному поведению, плевать хотел на то, что оригинал валяется на полу в

мокром халате. – На базаре? Ску?пишься? Тем более вызови машину. Здоровье дороже: сложишь сумки в багажник… Дать тебе номер диспетчерской службы?

Закрыв трубку ладонью, чтобы Кабуча – а кто еще? – не услышала его реплики, двойник повернулся к Ямщику:

– В зеркала не смотрись, начнется мигрень. Вернее, не вглядывайся подолгу. Если так, вскользь, тогда ничего, нормально. На советы не рассчитывай, это последний. Первый и последний. Все, свободен, вали отсюда.

Он убрал ладонь:

– Да, рыбка. Кланяйся маме. Да, жду, скучаю…

Ямщик представил выражение Кабучиного лица – рыбка! жду, скучаю! – и захрипел от изнуряющего, мучительного бессилия. Кошмар продолжался, в раковине поселился захватчик, украл спортивный костюм, телефон, Кабучу, жизнь украл; даже совет, первый и последний, швырнул, сволочь, как милостыню, с барского плеча…

– На рынок ездил, с утра, – сунув телефон в карман, двойник кивнул на зеркало. Он сиял: трудяга, честно и в срок завершивший важное, ответственное дело. – На вещевой. Еле нашел, чтобы точно такое же. И кругленькое купил, для косметики. Представляешь? Жена вернется, а в доме два зеркала битых. Дурная примета, семь лет несчастий и разочарований. Ты суеверный? Правильно, грех всякой лабуде верить… А, ты, наверное, мазохист? Тащищься от страданий?

– Нет, – Ямщик потянулся, стараясь ухватить двойника за щиколотку.

Он не знал, зачем это делает. Для драки Ямщик был слаб, даже для драки с самим собой; в особенности, если двойник здоров и бодр, а оригинал еле дышит. Умолять? Просить? О чем?! Поступок не имел смысла, откуда ни зайди, и завершился пшиком: пальцы, вместо того, чтобы взяться за чужую плоть, прошли сквозь ногу оккупанта, словно пытались схватить дым, и сжались в вялый, бесполезный кулак. Ямщик попробовал еще раз, с прежним результатом.

– Мазохист, – повторил двойник. – Иначе зачем бы ты сюда приперся? Мститель хренов, каратель в халате. Ничего ты мне не сделаешь. Ни-че-го. Швабру дать? Если ты мазохист, получишь оргазм. Ударишь меня шваброй, промахнешься и нате вам – пароксизмы наслаждения…

Ямщик заплакал. Ямщик закричал: не от боли, от унижения, когда двойник внаглую прошагал по нему – через него! словно никакого Ямщика не было и в помине! – и открыл входную дверь.

– Иди, гуляй. Бог подаст, свинья не выдаст.

Он ухмыльнулся:

– Захочешь помучиться, возвращайся.

2

В гостях у Петра Ильича

Утроба подъезда вновь преобразилась.

Кто-то – наверное, Петр Ильич, сухонький старичок из первой квартиры – выключил освещение; солнце же, напротив, успело вознестись над крышей облупленной «сталинки», стоявшей на другой стороне улицы. Солнце било в стекла межэтажных рам, и лестница, отраженная в этих стеклах, купалась в ярком, охристо-желтом свете. Опасно гладкие, блестящие, будто покрытые тончайшей коркой льда, ступеньки двоились – так, словно Ямщик был в стельку пьян. Там, куда лучи солнца не доставали, ступени обретали шершавость наждака, переставали двоиться, но делались блеклыми, мутными, как если бы над ними висел слой грязной взбаламученной воды. Края затененных ступеней смотрелись вполне отчетливыми; впрочем, ближе к основанию рябой бетон, отполированный тысячами подошв, от кроссовок до модельных туфелек, истончался, делался зыбким, призрачным, уходя в непроглядный вязкий мрак. От одного его вида, рассеченного двумерными, не имеющими толщины плоскостями, у Ямщика бешено заколотилось сердце.

Хорошо хоть, перила выглядели пристойно. Как утопающий за спасательный круг, Ямщик ухватился за них, ощутил под пальцами надежность твердого дерева с бугорками и сколами краски – выдох, вдох, и он начал спуск, с осторожностью калеки перенося вес на поврежденную ногу. Освещенные ступеньки и впрямь оказались адски скользкими – если б не перила, Ямщик раз десять навернулся бы с лестницы, сломал бы шею, и слава богу, потому что мертвым все равно. Затененные ступени проседали под ним, пружинили – кочки, мать их, на болоте! – но держали. Каким чудом он ухитрился спуститься тут ночью?! Тогда здесь все было иначе…

Над ступеньками, над перилами, над Ямщиком царил удушающий чад жареной рыбы – где-то готовили обед.

Площадки первого этажа не было. Последний пролет лестницы по мере удаления от окон выцветал, теряя вещность. Там, внизу, куда он уходил, что-то медленно текло, двигалось, вздыхало – бурая трясина, адский котел с прогорклым киселем. Ямщик с детства ненавидел кисель. От дьявольского варева несло знобящим, гнилостным холодком, и он безотчетно подался назад: прочь, скорее прочь, подальше от гибельной пакости! Муть, стремительно расширяясь, рассек луч желтушного, болезненного света, в мгновение ока превратив трясину в твердь, островок подсохшей грязи. В луче, наполовину перекрыв его, возникла щуплая фигура, и Ямщик узнал, нет, угадал экономного соседа-старичка.

– Петр Ильич!

Возглас вырвался сам собой. Ямщик уже понимал: никто его не видит, не слышит, помощи ждать не от кого. Разумеется, сосед не отреагировал. Так же быстро, как возник, луч схлопнулся и погас: дверь подъезда закрылась с глухим чмоканьем. Островок исчез, из кисельной мглы послышались шаркающие шаги: Петр Ильич шел к своей квартире. Для старичка не существовало трясины, инфернальных провалов – обшарпанные ступеньки, исцарапанная стена: на полтора метра от пола – синяя краска с подпалинами от спичек и окурков, выше – маркая, осыпающаяся побелка. Все материально, осязаемо, безопасно. В глазах рябило, Ямщику чудилось: он различает смутные очертания человека, бредущего по хлюпающей жути, утопая в ней по колено и не замечая этого.

Шаги стихли. Царапнул по краю скважины, с глухим лязгом провернулся ключ в замке. Щелкнул выключатель – и словно включился проектор реальности, одним

благословенным щелчком отменив, отправив морок к чертовой бабушке! Серо-желтые квадраты плитки перед распахнутой настежь дверью квартиры. В проеме замешкался хозяин: а куда ему торопиться? Почтовые ящики, стальной прямоугольник наружной двери, ведущей на улицу…

«Сейчас или никогда! Пока старик не закрыл дверь!»

Забыв о травмах, Ямщик прыгнул через две ступеньки. Колено пронзила раскаленная игла, он взвизгнул по-бабьи, поскользнулся – и рухнул на Петра Ильича. Нет, сквозь Петра Ильича, не заметив сопротивления, ветерка, мимолетного касания – ни-че-го, как, издеваясь, говорил двойник. Голограмма, фантом – с размаху Ямщик пролетел дальше, упал и скорчился на потертом, но чистом линолеуме, в резком свете лампочки без абажура; возле ростового зеркала – клубов дышащего тумана – в раме старинной, резной, красного дерева. Он был в чужой квартире, но не весь. Правая, пострадавшая нога, от пятки до колена, где свила гнездо гадюка-боль, высовывалась за порог, на лестничную клетку. И хозяин квартиры, равнодушен к бесцеремонному вторжению, уже взялся за ручку двери, намереваясь…

Ямщик судорожно дернулся, ожидая вспышки новой боли, и боль не подвела, явилась по первому зову. Он без стеснения заорал, зная, что его не слышат – хоть ты ори, хоть на мыло криком изойди, всем плевать! – и в последний момент рывком согнул многострадальную ногу в колене, перебросил через порог, втянул во чрево соседской квартиры. Дверь захлопнулась; клацнул замок, звякнула цепочка. Ямщик не знал, что бы произошло, не успей он подобрать ногу, и не хотел знать.

Он был в раковине, пусть не своей, чужой, но этого ему хватало.

Тут Петр Ильич наступил на него.

Ямщик едва не заорал вновь. Он лежал на полу, без сил откинувшись на спину, и из Ямщикова живота, погрузившись в тело до середины голени, торчала тощая нога Петра Ильича в тщательно отглаженной брючине. Песочно-бежевая ткань брючины даже не задралась – край ее нечувствительно уходил внутрь живота вместе с ногой старика. Призрак, похолодел Ямщик. Я призрак, банальщина Голливуда; я сломал шею, летя ночью с лестницы, и вот… Нет, чепуха! Призраки не расшибают себе головы и колени, призраки не носят шлепанцы – и уж точно

их не теряют; а главное, у призраков нет двойников, ездящих с утра на вещевой рынок за копией разбитого зеркала…

Хозяин квартиры аккуратно повесил на плечики летний парусиновый пиджак – «ретро» полувековой давности вновь входило в моду – и, присев над Ямщиком, начал копаться в кишках у незваного гостя. Ямщик хрюкнул и откатился в сторону. Он вновь ничего не ощутил, вернее, все прекрасно ощущал: линолеум под лопатками, затылок уперся в стену, колено дергает, плечо ломит… Старика Ямщик видел, слышал; ноздри улавливали слабый аромат лосьона, которым пользовался Петр Ильич после бритья, но осязать соседа Ямщик был неспособен. Старик же Ямщиком не интересовался вообще: ни в целом, ни отдельно взятыми потрохами. С новой позиции Ямщик наблюдал, как Петр Ильич развязывает белые хлопчатобумажные шнурки на туфлях, кряхтит от натуги, не подозревая, что одна из туфель минутой раньше находилась в чьем-то животе; как сует ноги в домашние тапочки, выпрямляется, тянется к выключателю…

– Нет! – закричал Ямщик. – Не надо!

В первый миг, когда погас свет, его оглушил леденящий ужас: пол утратил твердость, просел, промялся – сейчас под Ямщиком разверзнется бездонная лестничная трясина, поглотит, переварит без остатка! Секунды извивались кублом белесых червей, уползали в небытие, в такт удаляющемуся шарканью старческих шагов; фигура Петра Ильича замерцала, истончилась, расплылась, вновь налилась плотью, скрылась в спальне… А Ямщик был все еще жив: лежал на полу чужой прихожей, переводя дыхание. Пол обрел консистенцию пластилина, подогретой оконной замазки, но держал. Медленно, цепляясь за стену – та проминалась под пальцами, как и пол – Ямщик поднялся, оберегая поврежденную ногу, потянулся к выключателю. Гладкий пластик вздрогнул под подушечкой пальца – когда он успел снять перчатки? не важно! ну же!.. Щелчок прозвучал глухо, как сквозь вату, но дробящееся эхо долго не хотело затухать. Свет вспыхнул с задержкой, словно раздумывал: загораться или нет? Свет был пыльный, тусклый, совсем не такой, как пару минут назад. Ладно, в любом случае это лучше зыбкого полумрака: пол, стены, вешалка, дверцы встроенного шкафа – пусть с неохотой, но прихожая вновь обрела фактуру, цвет и материальную твердость.

Целую вечность Ямщик выжидал. Щелчка выключателя глуховатый старик мог и не расслышать, но свет, вне сомнений, привлечет его! Время шло, Петр Ильич не объявлялся, и Ямщик уверился: свет включился для него одного. Для хозяина

квартиры прихожая осталась прежней: безвидна и пуста, и тьма над бездною, и дух божий носился над линолеумом. Укорив себя за кощунственную шутку, Ямщик решил оставить анализ феноменов на потом. Сейчас займемся самым насущным: колено, висок, ссадины на голени.

– Аптечка, – вслух сказал Ямщик. – Где у нас может быть аптечка?

Он критически оглядел шкаф, с максимальной осторожностью, словно боясь выдернуть чеку гранаты, потянул дверцу на себя. Дверца скрипнула – и раздвоилась. Одна, повинуясь усилию, послушно распахнулась, открыв нутро шкафа, другая же осталась на месте, не сдвинувшись и на миллиметр. Ямщик вцепился в открывшуюся дверцу – а вдруг выскользнет? истает под пальцами? сольется со своей закрытой двойняшкой, сводя на нет все старания?! Однако случилось в точности наоборот. С замиранием сердца он наблюдал, как запертая дверца делается прозрачной, тает, растворяется в воздухе.

– Сезам, откройся!

Рыться в шкафу он раздумал: там, внутри, все выглядело подозрительно смутным. Свет! Нужно больше света. Удвоив предосторожности, Ямщик открыл вторую створку, обождал с минуту. Полки, ящички, коробки, банки из жести и пластмассы – под льющейся внутрь пылью, назвавшейся светом (и сказал он, что это хорошо…) начинка шкафа восстановила рельефную материальность. Наверное, теперь – можно.

– Что у нас здесь?

Болты, гайки, шурупы. Гвозди рассортированы по коробочкам из-под кофе. Измерительная рулетка. Стеклянные банки с зеленым горошком. Рыбные консервы: сардины, сайра. Стопка древних пожелтевших газет. Моток синей изоленты. Слева, на второй сверху полке, обнаружился внутренний шкафчик. Ямщик в нетерпении распахнул створки и был наказан за поспешность: раздвоившись на миг, створки не замедлили вернуться в исходное положение. Затаив дыхание, он повторил попытку.

– Есть!

Экономный и запасливый, Петр Ильич оказался, к вящей радости Ямщика, еще и человеком слабого здоровья. Шкафчик? Нет, истинный Сезам, пещера фармацевтических сокровищ. Пузырьки, флаконы и упаковки с лекарствами стояли плотными рядами, уходя в темные глубины хранилища. Наружу хлынул концентрированный запах аптеки, Ямщик чихнул и удивился, что не почуял это амбре раньше. Он обернулся, увидел клубы тумана в резной раме – не вглядываться! так, мельком, вскользь… – и подумал, что стенной шкаф в целом и аптечный шкафчик в частности наверняка отражаются в зеркале. Ну, отражались бы, если бы Ямщик был в состоянии видеть зеркала. Неужели запах, вернее, его наличие или отсутствие, связан с отражением предметов, источающих запах? А может, не только запах? Потом, не сейчас, голова и без того раскалывается…

Внутри, на распахнутой дверце сезама, мерцало еще одно туманное озерцо, подвешенное к паре шурупов за смешные латунные «ушки». Зеркальце? Кончиками пальцев Ямщик прошелся по рифленым крышкам пузырьков и картону упаковок. Все было твердым, настоящим. Честное слово, Ямщик и не предполагал, что будет так радоваться подлинности, осязаемости лекарственных препаратов. Ага, йод. Старый добрый йод. Зелёнка, старая добрая зелёнка. Что тут еще старого доброго? Валокордин. Нитроглицерин. Форлакс, порошки. Наш дорогой, наш старый добрый Петр Ильич страдает запорами. Ничего, мы дадим ему просраться… Эвказолин. Энтеросгель. Мучимый дурным предчувствием – а вдруг исчезнет? – Ямщик ухватил йод с зелёнкой, оба пузырька сразу, и едва не выронил добычу. Флаконы раздвоились, как это было с дверцами, и от дубликатов к оригиналам, оставшимся на полке, потянулись неприятного вида хвосты: ржавые, изъеденные по краям. Ямщик отметил легкое, но явственное сопротивление – казалось, он растягивал комок жевательной резинки, прилипший к стенке аптечки. В хвостах угадывались очертания дюжины, если не больше, призрачных пузырьков. Дрожащие, эфемерные копии плющились, теряли форму, липкая пакость истончалась, бледнела, ржавчина выцветала… Чпок! Хвост лопнул, втянулся в оригиналы, слился с ними. В руке у Ямщика остались две абсолютно идентичные копии.

Так уж и абсолютно?

Крышечка отвинтилась без проблем. Ямщик поддел ногтем плотно засевшую пробку, втянул ноздрями знакомый с детства запах зелёнки. На пальце остался яркий мазок. Порядок! Стараясь не обращать внимания на ржавые, к счастью, безвредные хвосты, он с азартом принялся рыться в закромах Ильича. Анальгин?

Да это подарок судьбы! Эластичный бинт – отлично, берем. Мятый тюбик троксевазина? Пригодится для колена…

Шарканье приближающихся шагов Ямщик засек с опозданием. Старикан услышал возню? Заподозрил взлом? Ерунда, гримаса былой мнительности! Тем не менее, Ямщик замер в позе вора, застигнутого врасплох: вес на здоровой ноге, правая рука – в аптечке, левая держит добычу, едва уместившуюся в ладони. Игнорируя бродягу, забравшегося в чужую квартиру, Петр Ильич прошел мимо, а может, частично сквозь. Пыльный свет мигнул, погас, что-то больно ударило Ямщика по пальцам, и он, зашипев, инстинктивно отдернул руку – ту, что задержалась в шкафчике. Упали сумерки, навалилась духота; запах аптеки исчез, пол вновь промялся под ногами. Когда старик свернул на кухню, Ямщик потянулся к выключателю. Свет зажегся со второй попытки. Прихожая вернула себе прежний вид: дверцы шкафа были плотно закрыты. Тюбик троксевазина, который Ямщик не успел схватить перед явлением хозяина квартиры, сгинул без следа – надо полагать, покоился на прежнем месте в недрах сезама. Остальные медикаменты уцелели, и на том спасибо. Искушать фортуну по второму разу Ямщик не стал.

На кухне грюкнуло, звякнуло, плеснуло. Бормотнул, закипая, чайник.

– Пейте чай, Петр Ильич. Пейте на здоровье! Да подольше, с чувством, с толком…

Чайник, детеныш паровоза, свирепо засвистел.

– А я пока воспользуюсь вашей ванной. Вы не против?

Чайник был против, Петр Ильич промолчал.

– И вообще, я, пожалуй, у вас поживу. Встану, так сказать, на постой. Вы ведь не возражаете? Человек вы одинокий, в годах, я вас не стесню. В уходе нуждаетесь? И не надейтесь, я не уйду…

Прежде чем открыть дверь ванной комнаты, Ямщик предусмотрительно отыскал выключатель и включил внутри свет. Над хромированной полочкой с бритвенными принадлежностями, лосьоном, зубной пастой и двумя щетками – мыльницу Петр Ильич держал на краю мойки – висел дымный прямоугольник в

дешевой рамке: зеркало. Головная боль усилилась, как ни странно, прояснив мысли. Зеркало в прихожей, зеркало на дверце аптечного шкафчика, зеркало в ванной… Ямщик осмотрелся, стараясь избегать прямого взгляда в клубящееся «окно» над мойкой. По закону подлости оно просто лезло на глаза. Стена напротив: крючки с полотенцами, в углу приткнулась стиральная машина, бледно-голубой кафель, чугунный радиатор парового отопления в два слоя покрыт белилами. Все зримо, вещно: хоть трогай – Ямщик погладил махровое полотенце – хоть на зуб пробуй. Ага, ванна подгуляла. Дальний край еще ничего, но чем ближе, тем сильнее коробился, оплывал мартовским сугробом эмалированный бок ванной: дрожал, расслаивался. За край, в саму ванну, было даже боязно заглянуть. С Ямщика хватило и того, что на месте смесителя копошился отвратительный клубок гофрированных змей, блестевших живым металлом. К счастью, выбраться на свободу змеи не пытались.

Зеркало!

Он искоса глянул в дымное окошко и отвернулся. Отражения Ямщик не видел – увидишь его, как же, в эдаком клублении! – но картину представил отчетливо. Дальняя часть ванной комнаты отражается нормально, середина – едва-едва; ближе – «мертвая зона». Он еще раз прикинул угол отражения, по ходу дела вспоминая азы школьного курса физики, раздел «оптика»… Вроде, сходится. То, что отражается в зеркалах – для него, Ямщика, зримо и вещественно. Чем лучше отражение, тем реальнее бытие. Правда, с подъездом загадка: там-то точно нет никаких зеркал! Отражения в межэтажных окнах? В никелированных ручках? Ладно, не все сразу. Займемся здоровьем: не хватало еще, чтобы в ссадины попала грязь, инфекция, началось заражение… С коленом тоже надо что-то делать. В ванну мы не полезем, нет, обойдемся умывальником…

Живот скрутило, едва он потянул за пояс халата, намереваясь разоблачиться. Ямщик сипло крякнул и сложился пополам, пережидая болезненный позыв. Хорошо, сказал он тирану-кишечнику. Хорошо, уговорил, сначала в сортир. Сперва Ямщик хотел вывалить медикаменты на край мойки, чтобы освободить руки, но в последний миг передумал. А ну как в его отсутствие сюда заявится хозяин квартиры, и все добро исчезнет? Или не исчезнет? Береженого бог бережет! Он затолкал бинт и лекарства в карман халата – и вывалился в коридор, тихонько постанывая. До туалета – один шаг. Ямщик щелкнул выключателем, распахнул дверь…

И едва не обделался прямо на пороге.

3

Капучино для зомби

Ямщику было неуютно.

А кому было бы уютно на его месте? Восседаешь на унитазе в общественной кабинке с распахнутой настежь дверцей, и ничего не поделать, потому что иначе в кабинке разверзнется филиал ада. Ямщик не сомневался, что разверзнется, и закрыть дверцу даже не пытался. Более того, прежде чем засесть в «кабинете задумчивости», он с дотошностью параноика убедился, что дверца не закроется сама собой. Напротив, над рядом белых умывальников с хромированными кранами, протянулся второй, верхний ряд прямоугольников, где бурлил туман, разделенный тонкими, едва различимыми перемычками. Благодаря зеркалам – благодетели! – внутренность кабинки оставалась вещественной: унитаз не вспучивался кашей, забытой на огне, бачок не шел волдырями, рулон туалетной бумаги честно разматывался и был приятно шершав на ощупь. Главное – не глядеть в упор на живой туман, иначе три горькие таблетки анальгина, проглоченные насухо, пойдут псу под хвост. Да, еще нельзя думать о том, что кто-то может зайти в туалет кофейни «Франсуа» и вытаращиться на Ямщика, восседающего на унитазе в грязном домашнем халате и чужих шлепанцах: летние туфли Петра Ильича оказались ему чудовищно велики. У тщедушного старичка – и такие ласты! Корабли! Зато «гостевые» тапки пришлись по ноге…

Об этом и думай, велел Ямщик себе. О шлепанцах, о темно-бордовой ортопедической палке с удобно выгнутой ручкой. Палка чрезвычайно пригодилась, без нее Ямщик хромал бы до кофейни целую вечность. Кто-то зайдет в туалет? Милости просим! Тебе-то что? Ты – человек-невидимка! Да и народу здесь – полторы калеки: дневное время, мертвый час, тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить.

Разумеется, сглазил.

Судя по тяжкой поступи, сотрясшей чахлую перегородку, в сортир ввалился бегемот. Вот, вспомнил Ямщик из Ветхого Завета, сила в чреслах его и крепость в мускулах чрева его; жилы же на бедрах его переплетены…

– Только не сюда! Не ко мне!

Ямщик твердил это, как молитву. Будто наяву, он уже видел надвигающийся кошмар: вот Бегемот – гигант, морда лоснится, и красно-синий спортивный костюм «Adidas» непременно – воздвигается в проеме кабинки, и Ямщик вскакивает, путаясь в полах халата; нет, хуже, он не успевает встать, и Бегемот, спустив штаны, садится прямо на него, тужится, пускает ветры, и жилы на бедрах его переплетены…

Нет!!!

Молитва была услышана – Бегемот обустроился в кабинке по соседству. С трудом дождавшись, пока тот закончит свои дела, вдоволь нафыркается, наплещется в умывальнике и уберется восвояси, Ямщик выбрался наружу и занялся самолечением. Да, врачи не рекомендуют, Минздрав предупреждает… Хорошо, пусть мной займется профессионал! Дайте мне толкового доктора; да хоть бы и бестолкового, какого-нибудь… Что, никакого нету? Тогда засуньте свои предупреждения знаете куда?!

Место располагает, вздохнул Ямщик. Какое место, такие и мысли.

Некстати вспомнился другой туалет – в квартире Петра Ильича, откуда он бежал, насколько позволила увечная нога. И объяли меня воды до души моей… Спасибо, боль в колене отрезвила, отсекла скальпелем волну паники, захлестнувшей мозг. Так Ямщик хотя бы палку прихватил, тапками разжился, догадался вылезти в окно – слава богу, первый этаж! Рисковать, пробираясь с зыбкой лестничной площадки к вовсе уж безумному выходу из подъезда, похожему на вздыхающий котел с варевом макбетовских ведьм, он не захотел. А вдруг ни одна живая душа не войдет в подъезд навстречу беглецу, не впустит луч света, превращая жадный кисель в относительную твердь?! К счастью, дубликат оконной рамы в кухне открылся без проблем, как раньше – двери стенного шкафа, вернее, их двойники; и само окно не было забрано решеткой. В оконном, недавно мытом стекле двор отражался ясней ясного, было хорошо видно, куда лезть, где, повиснув на руках, можно встать без помех, а если и

возникнет необходимость прыгать, то самую малость, без опасности повредить здоровую конечность, из хромого превратившись в безногого. Ямщик выбросил наружу палку, следом – тапки, взятые взаймы, пыхтя, налег животом на подоконник, выполз подальше и заворочался, пытаясь исполнить вынужденную акробатику наибезопаснейшим образом. Старик пил чай за столиком, нимало не интересуясь новоявленным узником замка Иф, и Ямщик радовался своей невидимости – единственному, чему в сложившейся ситуации можно было радоваться. Побег длился и длился, Ямщик кашлял, задыхался, хрипел; пальцы сорвались, он едва не упал – и лишь воспоминание о туалете Петра Ильича придавало ему сил. Если воздух – взвесь серого пепла, и горло раздирает сухой кашель; если во тьме – он же включил свет! включил, ей-богу… – лоснится, подрагивает, вьет кольца труба-многоножка, цепляется коготками за трясущееся желе кафеля; если зловонный провал кишит звуками – вкрадчивый шелест, тихий, безостановочный скрежет хитиновых панцирей, суета шустрых лапок; если там, в глубине…

Зеркала?!

В туалете соседа не было зеркал и стекол, а значит, отражений. Ямщик помнил, что в кофейне «Франсуа», где он встречался с Дылдой-Додиком, зеркал полным-полно. И в зале, и, кажется, в туалете. Насчет туалета он не был до конца уверен, но память не подвела. Если он встанет на временный постой у Петра Ильича, по нужде придется ходить сюда, в кафе. Ладно, приспособимся, потерпим…

Промывая ссадины на голени, Ямщик залил водой весь пол. Кафель сделался опасно скользким, но высох на удивление быстро, буквально за минуту. Йод или зеленка? Замажем и тем, и другим, для верности.

– С-с-с-с! Жжется, зараза!

Бинт. Колено замотаем потуже. Теперь – голова. Что у нас там? Черт, забыл: он больше не видит отражений! Скорее отвернуться, пока… Придется на ощупь. Уй! Больно-то как! Когда Ямщик закончил, он едва держался на ногах – он и раньше-то был не в лучшей форме, а лечение отняло последние силы. Опираясь на палку, держась свободной рукой за стену, Ямщик выбрался в зал, доковылял до свободного столика – свободны были почти все, но он выбрал тот, за которым сидел с Дылдой – и рухнул на ротанговое креслице. Хвала стенным зеркальным панелям – ни стул, ни стол не подстроили ему никакой каверзы.

Безуспешно пытаясь расслабить мышцы, Ямщик хотел смежить веки и подремать, но передумал, обвел кафе настороженным взглядом. Кажется, отметил он, у меня начали вырабатываться новые привычки.

Путь в туалет – дело интимное. Три заветных шага от зала до двери с табличкой «WC» дизайнер кофейни выделил в особую зону. Клиент, если приспичило, шел между двумя стенами – несущей, отделявшей «Франсуа» от стоматологического кабинета «Эталон», и декоративной, куцым аппендиксом, закрывавшим клиента от любопытных взглядов других посетителей. Ямщик, уж на что был измотан, сразу засек, что угол между дверью туалета и корнем аппендикса, вне сомнений, лишен четкого – да и вообще любого! – отражения в здешних зеркалах. Там, ближе к полу, сформировалась темная, промозглая дырища, филиал сортира Петра Ильича, откуда тянуло зябкой сыростью. Вход в дыру зарос голыми безлистыми ветвями, плетями зимнего, бесплодного винограда, а может, чересчур толстыми нитями паутины, похожими на сеть келоидных рубцов. Ветки, плети, рубцы – чем бы они ни были, завеса шевелилась, вздрагивала, приоткрывала и вновь затягивала черные щели. Проходя мимо дыры, Ямщик отодвинулся подальше, насколько позволял узенький коридор, и с облегчением вздохнул, оказавшись в прекрасно отраженной реальности туалета.

От столика, где он сидел сейчас, дыра была хорошо видна, и из нее кто-то лез наружу. Ветви вспучивались, местами слипались в гнилую кашу; плети гнулись, рвались с хлюпающим треском. Как завороженный, Ямщик смотрел на тонкие белые пальцы, царапающие пол, на женскую голову в косынке, на плечи, грудь, торс, затянутые в дешевое ситцевое платьице… Когда женщина выбралась, высвободилась, стало ясно, что движется она с медлительностью, неестественной для живого человека. Ноги гостья скорее волочила, чем переставляла. Бледная кожа отливала синевой, нос заострился, край косынки закрыл лоб, наползая на самые брови, а узел был плотно завязан под подбородком – иначе, наверное, нижняя челюсть отвалилась бы вниз. «Вы испугались, а я не боюсь, – произнес Дылда, прячась в далеком прошлом, чтоб не сказать, в другой жизни. – Вас не боюсь, трупов не боюсь. К слову, я патологоанатом. Зачем вы пишете про зомби?»

– Не пишу, – простонал Ямщик. – Про зомби.

Женщина мало походила на традиционных зомби, заполнивших киноэкраны в поисках чужих мозгов. Во всяком случае, она не демонстрировала ни агрессивности, ни признаков разложения. Обычная покойница, каких полно в больничных моргах; санитары подготовили тело для захоронения, закончили макияж, уложили в гроб, плачущие родственники вот-вот зайдут в зал прощания… Глаза покойницы были открыты, смысла в них читалось немного – голубые влажные пуговицы, пришитые на лицо куклы – но глядела женщина на Ямщика. Впервые в жизни на Ямщика глядели с такой ясной, такой пронзительной тоской. Она знает, понял Ямщик. Знает, что я ее вижу. Знает, что в любой момент, даже с больным коленом, я могу выскочить на улицу, и ей меня не догнать. Это тоска голодного по шипящему стейку, тоска пьяницы по бутылке «Курвуазье»; тоска по заветному, но недостижимому. Господи, да она же мне завидует…

Идти к Ямщику покойница не захотела. Своей жутковатой походкой, сходной с колыханьем гардин на слабом сквозняке, она прошкандыбала в зал и направилась к стойке, как если бы собиралась заказать чашечку капучино. Бармен скучал без заказов, он бы ей не отказал, но покойница обогнула стойку и встала у бармена за спиной. Пальцы женщины взялись за татуированные плечи парня, губы приникли к затылку – Ямщик сперва решил, что это поцелуй, но покойница стала с упоением лизать бритый затылок бармена. Пожалуй, начни она грызть череп, чтобы добраться до мозга, и грызня меньше покоробила бы Ямщика, чем это любовное вылизывание. Так кошка лижет котят, так первоклашка лижет эскимо на палочке, стараясь, чтобы хватило надолго. Надолго бармена не хватило: он мотнул головой, что, впрочем, не слишком помешало покойнице ласкать добычу, сощурился, прислушиваясь к чему-то дальнему, и вдруг сделался белый, как мел.

– Катерина, – позвал он. – Побудь на стойке, я покурю.

– Бледный ты, – отметила официантка.

– Ага, есть такое дело…

– Перекачался?

– Бухали вчера, сразу после зала. У Трушкина днюха, он проставился. Не надо было…

– Поздно лег?

– Рано встал. Ну ты давай, я быстро…

Он вышел, и покойница потащилась следом. Пальцы ее по-прежнему удерживали плечи бармена, вернее, удерживались за них; парень фактически волочил женщину за собой, позволяя ей расслабить мягкие, тряпичные ноги. Ямщик, содрогаясь, проводил взглядом ужасную пару. Он весь закаменел, лишь ноздри раздувались, как у хищника на охоте, или вернее, у добычи, почуявшей хищника. От покойницы не пахло гниением, скорее уж цветами – мокрыми, чуть увядшими. Казалось, она только что выбралась из-под груды роз, хризантем и георгинов, чтобы выйти на прогулку. Туалет, подумал Ямщик. Хороший здесь туалет, зеркал много. Я, наверное, подыщу другой, не такой хороший. А то шагнешь к двери, зазеваешься, тебя из дыры за лодыжку – хвать! – и никакого форлакса не надо…

Глава четвертая

Здесь, у зеркала – все обычные проблемы,

Вся привычная сила.

Ты спрашиваешь неуверенным голосом,

что ты должна сделать,

Словно у тебя есть выбор,

Но остается лишь жестами изобразить песню

И надеяться, что все выйдет правильно.

Питер Хэммилл, «Скрытый человек»

1

Beauty and the Beast

Более всего улица напоминала судоходную реку.

Убийственная стремнина проезжей части; относительно безопасные берега тротуаров. Под деревьями и у бордюров твердь истончалась, превращалась в зыбучую топь. По асфальтовому руслу несся поток катеров-автомобилей, отблескивая лаковыми боками: они вдруг проступали с неправдоподобной четкостью и рельефностью, словно гений 3D-графики в мгновение ока даровал им плоть и объем парой мазков виртуальной кисти – и блекли, расслаивались гирляндой истончающихся дублей, с глухим ворчанием уносились прочь, оставляя за собой меркнущие хвосты, от которых кильватерный асфальт оборачивался темной, тяжко колышущейся жидкостью.

Засмотревшись на это зрелище – сказать по правде, жутковатое и сюрреалистическое – Ямщик пару раз налетал на прохожих, ну, или они на него, это как посмотреть. Впрочем, как ни смотри, прохожие Ямщика игнорировали, нечувствительно проходя сквозь него, и Ямщик обругал себя за предрассудки – сам он так и не научился вычеркивать из бытия идущих навстречу людей. Опираясь на палку, он брел, не зная, куда. Туго забинтованное колено вело себя сносно: ныло с тягучей монотонностью, но по крайней мере не взрывалось новогодней петардой через два шага на третий. Оказавшись на твердом, фактурном до умиления «островке безопасности», Ямщик остановился перевести дух. За распахнутым настежь окном первого этажа – лето, жара; у них что, кондиционера нет? – во всех подробностях просматривалось нутро парикмахерского салона «Beauty». Вот уж где в зеркалах недостатка нет! Салон буквально исходил материальностью, щедро выплескивая ее избыток на улицу. Зайти, что ли? Он нуждается в убежище, в норе, где можно окопаться, пересидеть; поспать, в конце концов, без опасения провалиться в тартарары!

Вход в салон прятался в узкой арке подворотни. Там копился угрюмый сумрак, там все выглядело опасным, ненадежным: холст загрунтован, но эскиз едва намечен, так, набросок вместо полноценной картины. Часть эскиза, у перекошенной, изъязвленной мерцающими прорехами двери «Beauty» скучал одинокий курильщик. Тучи плыли над живым вулканом: казалось, курильщик и сам состоит из загустевшего дыма. Фигура колыхалась, рвалась на пряди – и вновь уплотнялась, но не полностью: левая рука нормальна, правая извивается по ветру бесформенным щупальцем. Живот материален, бок – студень. Лицо

течет наподобие теряющих форму часов Сальвадора Дали. И лишь в зубах ярко рдеет огонек сигареты, ничего, однако, не освещая.

Соваться в подворотню расхотелось. Но пока Ямщик соотносил высоту подоконника и свои незавидные возможности, пока раздумывал – плюнуть и ковылять дальше, или попытать счастья через окно – в арку со двора, пятясь задом, втиснулся черный «Mitsubishi Pajero», наглухо закупорив проход с внутренней стороны. На подворотню явление джипа произвело поистине магическое действие – впору было поверить, что за рулем сидит чаньский патриарх, одно лишь присутствие которого стирает пыль с зеркала реальности и выставляет все сущее в истинном свете.

– Зеркала патриархов, – пробормотал Ямщик. – Удачное название для рассказа…

Тонированные стекла, лак крыльев и капота, зеркала заднего обзора – этого, в сочетании с окнами дома напротив, откуда солнце било отраженным светом, хватило, чтобы курильщик из призрака превратился в долговязого парня: шорты цвета хаки, на фиолетовой футболке скалится череп. Подворотню будто осветил луч софита, рельефно обозначив выщербленный асфальт, старую, но добротную кирпичную кладку стен. С удовлетворением рыкнув напоследок, джип сдал на метр назад и затих, выключил мотор.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Песня Элвиса Пресли «Unchained Melody».

2

Припев из песни «Cocaine» группы Nazareth.

Купить: https://tellnovel.com/ru/genri-oldi/svet-moy-zerkal-ce

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить